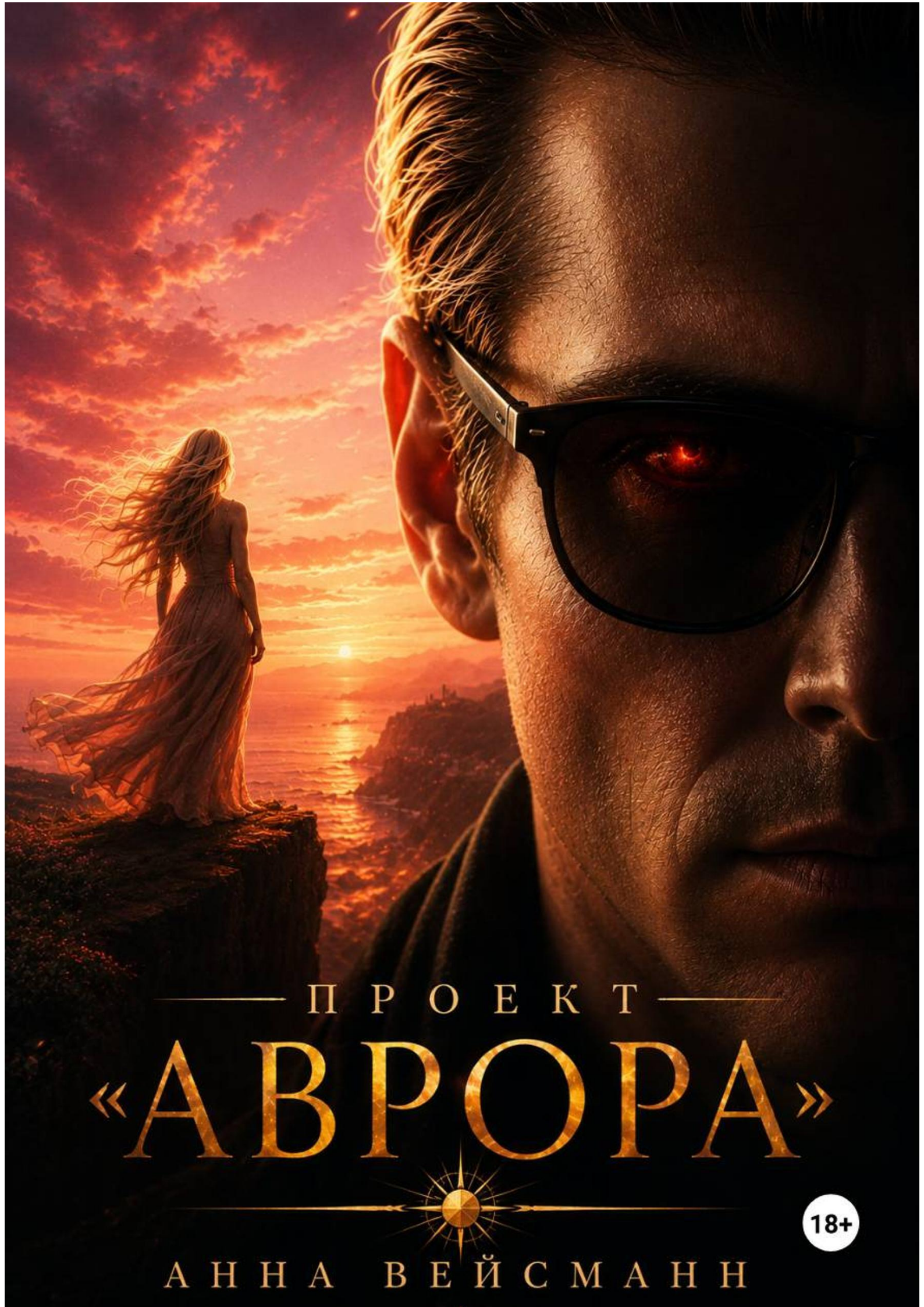

— П Р О Е К Т —

«АВРОРА»

А Н Н А В Е Й С М А Н Н

18+

Анна Вейсманн

Проект "Аврора"

«Автор»

2026

Вейсманн А.

Проект "Аврора" / А. Вейсманн — «Автор», 2026

Обычная студенческая жизнь Авроры Хиггс — это зачеты, турниры по видеоиграм и ночные посиделки с подругами в общежитии. Но всё меняется с появлением нового профессора с кафедры вирусологии. Он не читает лекций. Он наблюдает. Его лаборатория закрыта для студентов, а его взгляд пронизывает насквозь. Когда Аврора начинает замечать странное внимание профессора к себе, а в университете один за другим исчезают старосты курса, она понимает: профессор пришел не преподавать. Он пришел переписать человечество. И его первый эксперимент — это ее жизнь.

© Вейсманн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Список погибших	5
ОТЧЕТ 1028-39	5
Глава 2: Ультиматум	14
Глава 3: Форум	29
Глава 4: Договор	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Вейсманн

Проект "Аврора"

Глава 1: Список погибших

ОТЧЕТ 1028-39

Наименование объекта: Технологический Институт Миссури (Missouri Institute of Technology, MIT) Заказчик: Aegis Solutions. Контактное лицо: Теодор Генри Гринвелл, ректор, ведущий куратор проекта «Прометей».

Местоположение объекта: штат Миссури, Средний Запад США. Ближайший крупный населенный пункт Сент-Луис. Описание объекта и прилегающей местности: обширный закрытый кампус, окружённый густым лесом. Несколько километров до городской черты. Архитектура — смесь мрачной неоготики и холодного модернизма: старые корпуса из красного кирпича, не реконструированы по причине исторической ценности, кампус оснащен современными лабораторными блоками.

Система охраны и обслуживания: единственный КПП на въезде круглосуточно охраняется службой безопасности, по периметру установлена система видеонаблюдения, приняты повышенные меры контроля за территорией из-за нескольких инцидентов с дикими животными в округе.

Статус объекта: функционирует.

Сейчас — ранняя осень. Сентябрьское солнце клонится к закату, окрашивая витражи старой аудитории в тёмно-алые тона. В главном учебном корпусе тихо. Большинство студентов уже разошлись после пар, и только в аудитории 309 ещё горит свет.

Жизнь кампуса теперь плавными потоками перетекает в общежития. В одном из женских, стоящих особняком у восточной стороны забора, и начинается эта история.

Аврора распахивает дверь в их общую с Аделиной комнату и с порога заявляет.

— Подруга, я до сессии не доживу, так и знай. Напиши на моем надгробии: «Ее сгубила домашка по вирусологии. Она пыталась».

С данным провокативным заявлением, блондинка бросает сумку на свою кровать, и сама падает лицом в подушку следом, как раненый боец, подбитый пулей в лоб.

Аделина, до этого сосредоточенно щёлкавшая мышкой за ноутбуком, резко разворачивается на стуле. Её голубые глаза вспыхивают азартом.

— О, драма! — Она хлопает в ладоши. — Можно я сделаю из этого сюжет? «Студентка MIT пала жертвой домашки: профессор Фаулер отказался комментировать». Представляешь заголовки?

Она театрально прикладывает руку к сердцу и замогильным голосом зачитывает:

— «Она пыталась. Господь свидетель — она пыталась. Но штатм оказался сильнее».

В этот момент дверь в комнату без стука приоткрывается. Кира Танг заглядывает внутрь, опираясь плечом на косяк. Её острые, цепкие глаза подающего надежды криминалиста смотрят с привычной прямой, а на лице читается лёгкое веселье пополам с сарказмом.

— Я слышала слово «надгробие» и тут же пришла. — Она скрещивает руки на груди. — Хиггс, если серьёзно, что за домашка? Это для того блондинистого... профессора с манией величия, который смотрит на студентов как на лабораторных мышей?

Аврора обреченно вздыхает, доставая конспекты из сумки.

— Ага. Сегодня только понедельник, а он уже зверствует. Эссе на двадцать страниц о влиянии вектора штамма на структуру ДНК носителя... Это вообще законно? Мне придется всю ночь писать. А я хотела вообще-то взять реванш за тот матч в Mortal Kombat у Аделины...

Упомянутая Аделина издаёт торжествующий смешок и откидывается на спинку стула.

— Реванш? Милая, ты о чём? После того как мой Саб-Зиро размазал тебя по льду в трёх раундах подряд, тут даже реанимация не поможет. — Она подмигивает и добавляет уже мягче: — Но, если хочешь поплакать в подушку после очередного поражения — я не против. Джойстик заряжен.

Кира закатывает глаза и проходит в комнату, садясь на край кровати Аделины.

— Двадцать страниц по вектору штамма... Фаулер, значит. Слышала, его лекции — это что-то среднее между допросом и проповедью. — Она наклоняет голову, внимательно глядя на Аврору. — Он хоть раз к тебе нормально обращался? Или тоже смотрит как на пустое место?

Блондинка издала что-то среднее между экзистенциальным вздохом и саркастическим смешком.

— Ты же знаешь, непонятно как он смотрит. Он же постоянно в этих своих черных очках... Серьезно, он видит в них вообще что-нибудь? Сегодня пасмурный день, в аудитории было темно — и он все равно их не снял. Это... странно. Я уже молчу о том, что на его лекциях тишина стоит... Гробовая. Никто даже телефоны не достает — себе дороже.

Аврора разложила конспекты на кровати и открыла ноутбук, бросив печальный взгляд на соседок. На ее лице читалось обреченное принятие.

— Ада, возьми вон Киру своим Саб-Зиро потретируй. Или Еву — она неплохо играет на Джейд. Я сегодня в плену домашки.

Аделина театрально схватила за сердце, слишком бодро для изображающей insult прыгнув с кровати.

— Всё, подруга уходит в науку. С концами. — Она повернулась к Кире. — Слышала? Разрешение попытать тебя получено. Готовься к крио-смерти.

Кира хмыкнула, поднимаясь с кровати.

— Справедливости ради — у меня чёрный пояс не только по боевым искусствам. Твой Саб-Зиро наплачется. — Она направилась к двери, но на пороге обернулась к Авроре. — Хиггс, если что — у меня есть энергетика и беруши для круглосуточной зубрёжки. Заглядывай.

Бросив напоследок сочувственный взгляд, Кира вышла в коридор. Из гостиной доносится шум — там, судя по звукам, Ева с Сереной что-то смотрят по телику. Аделина с громким хрустом размяла пальцы, как пианист перед концертом.

— Ладно, играем без тебя сегодня. Но с тебя реванш в выходные. — Она кивнула на ноутбук Авроры. — Что там по эссе? Уже есть с чего начать или ты обречённо палишься в пустой ворд-документ?

— Второе. И уже слышу этот надменный тон «мисс Хиггс, очень жаль, что вы не преследуете достижения академических целей в этом семестре. Эта тема достойна дилетанта».

Аврора вздохнула, издав звук, способный конкурировать по степени отчаяния с криком умирающего лебедя, и когда подруги скрылись за дверью — она начала работать. Побороть боязнь чистого листа оказалось не так трудно, и она принялась печатать введение.

Работа, на удивление, шла нудно, но с прогрессом. Через пару часов она собрала достаточно материалов из открытых источников и своих конспектов с лекций, чтобы оформить черновик. Осталось внести правки, систематизировать схемы в третьей главе и указать источники. Внизу слышались восторженные и разочарованные возгласы участников соревнований по Мор-тал Комбату, и Хиггс откровенно завидовала всем тем, кому завтра не придется встречаться с Фаулером.

Она думала об этом странном преподавателе. О том, какие секреты он прячет за темными очками. Может, он недавно сделал лазерную коррекцию зрения? Но старшекурсники говорили, что и два года назад (когда он занял эту должность) он уже был в них. Ходили слухи, что он преподавал раньше в институте Пирроу, но информации о его предыдущих местах работы официально нигде не было, даже на портале MIT. И этот непонятный, почти сверхъестественный холод, когда мужчина проходил между рядами в аудитории...

— Может он вампир?... — вслух сказала Аврора и рассмеялась. — Боже, Аврора, ты изучаешь влияние вирусов на организмы, какой еще вампиризм... Хотя, тот же вирус, если подумать.

Пальцы Авроры замерли над клавиатурой. Собственный смех показался ей чужим в тишине комнаты. Ветер за окном качнул ветку старого вяза, и тени на стене дрогнули.

Она уже собиралась вернуться к третьей главе, когда взгляд упал на одну из страниц конспекта. Лекция двухнедельной давности. Тема: «Мутагенные свойства гипотетических ретровирусов». Фаулер тогда остановился у её стола, мельком глянул на записи и произнёс странную фразу:

«У всего есть вектор, мисс Хиггс. Даже у человеческой слабости».

Тогда она списала это на его привычку говорить загадками. Но сейчас, в тишине ночи, эти слова зазвучали иначе.

Внезапный стук в дверь заставил её вздрогнуть.

— Эй, Хиггс! — Голос Киры прозвучал приглушённо через деревянную дверь. — Мы тут заказываем пиццу. Будешь что-то? Ты там не уснула лицом в клавиатуре?

Следом из гостиной донёсся голос Евы, мрачный и монотонный:

— Перед смертью стоит поесть. Рекомендую пепперони — с неё хоть изжога приятная.

— Да, на меня тоже берите! ... Я почти все. — отозвалась Аврора, все еще мрачно поглядывая на конспект и прокручивая в голове эту его фразу, сказанную таким ледяным тоном, что вдоль позвоночника сам по себе поднимался липкий ужас.

Она посмотрела на свое почти готовое эссе. В голове крутились навязчивые мысли.

— Да ну нет, это бред... Ретровирус, который меняет ДНК носителя... Научная фантастика. Хотя то, что произошло в Пирроу...

Аврора закусила губу и совершенно отвлеклась от эссе. Пальцы сами набрали запрос — «катастрофа Пирроу». В стеклах ее очков замелькали изображения с монитора: перевернутые автомобили, пожары, разбитые витрины. Она читала официальные сводки событий семилетней давности — власти списывали все на аварию на производстве лекарств. Очевидно до тривиальности, что это всего лишь удобная ложь. Ей попались списки погибших в Пирроу, и Хиггс сама не зная зачем принялась монотонно их изучать.

Экран мерцал. Строки имён — сотни, тысячи — бежали перед глазами Авроры. Жители, полицейские, сотрудники корпорации Aegis Solutions, члены отряда H.A.R.P...

Она проматывала список почти машинально, пока палец не замер над сенсорной панелью. По какому-то наитию, Аврора нажала сочетание клавиш, позволяющее искать информа-

цию на странице, и ввела всего лишь несколько букв из злополучной фамилии, не дающей ей покоя. В разделе «Н.А.Р.Р — отделение Альфа. Признаны погибшими при исполнении» значилось имя, от которого у неё перехватило дыхание:

Фаулер, Виктор.

Капитан отряда. Возраст на момент гибели: 38 лет.

Аврора моргнула. Перечитала. Ещё раз.

С экрана на неё смотрела та же фамилия, то же имя. Тот же возрастной диапазон — семь лет назад ему было тридцать восемь, сейчас около сорока пяти. Это не могло быть простым совпадением.

В гостиной внизу хлопнула входная дверь — кажется, привезли пиццу. Ева что-то мрачно прокомментировала, Кира рассмеялась. Аделина закричала: «Хиггс, иди сюда, пока всё не съели!»

Ветер снова качнул ветку за окном. Тени на стене дрогнули, словно кто-то невидимый стоял прямо за спиной.

По коже Авроры пробежал знакомый с аудитории холодок. Фотографий членов отряда не было, но она на всякий случай сделала скриншот списка вместе с другими фамилиями (вдруг они к чему-то приведут позже), и захлопнула крышку ноутбука. Логическая цепочка, выстроившаяся в голове, была совершенно безумной.

— Если он пережил инцидент, но числится мертвым... То он кто? Выживший? Мутант? Разумный мертвец?...

Слухи об инциденте в Пирроу ходили разные, но доказательств не было ни у кого. Власти, разумеется, все скрывали, но до сих пор в интернете на самых темных форумах находились «очевидцы», рассказывающие о восстании зомби, утечке вируса и о чудовищах, похоронивших город под слоем крови и пепла. С каждым годом эти байки обрастали все более ужасающими подробностями, и отличить правду от вымысла было практически невозможно. Правдивых ответов на счет собственных предположений о профессоре у Авроры не было — слишком мало информации, кроме крупиц того, что ей удалось понять о вирусах с лекций Фаулера и собственных догадок. Возможно, стоило посоветоваться с подругами. Возможно, она все себе напридумывала и он просто странный профессор, а в Пирроу погиб его... однофамилец?

Из раздумий Аврору вывел очередной оклик снизу и запах пиццы. Девушка вздохнула, решив оставить пока эти мысли, и переделалась в домашние штаны, а после спустилась к девчонкам. Матч по Мортал Комбат был в самом разгаре.

Гостиная встретила Аврору теплом, светом торшера и хаосом. На журнальном столике, отодвинутом к дивану, громоздились три раскрытые коробки с пиццей, банки с газировкой и энергетиками, а также забытый скетчбук Серены, на котором прямо поверх наброска какого-то растения теперь красовалось жирное пятно от пепперони.

Ева полулежала в кресле с куском пиццы в одной руке и джойстиком в другой. Её Джейд на экране добивала Саб-Зиро Аделины.

— Прими свою смерть с достоинством, — монотонно произнесла Ева, даже не моргнув. — Как все мы когда-нибудь примем.

— ДА КАК ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ?! — Аделина вскочила с дивана, едва не опрокинув банку с колой. Увидев Аврору, она тут же ткнула в неё пальцем. — Хиггс! Скажи ей! Она меня уже третий раунд подряд уничтожает. Это нечестно. У неё какой-то читерский скин на Джейд.

— Или ты просто предсказуема, — хмыкнула Кира, сидя на подлокотнике дивана с банкой энергетика. Она кивнула Авроре на свободное место рядом с Сереной, которая уже протягивала блондинке тарелку с двумя кусками пиццы — один с сырной корочкой, другой с пепперони.

— Мы тебе оставили. Ева хотела съесть твою долю со словами «ей уже всё равно не понадобится еда после завтрашней пары», но я отбила, — сообщила Серена с мягкой улыбкой и тут же тихо хихикнула, бросив взгляд на Еву.

Ева, не отрываясь от экрана, где начался новый раунд, пожала плечами:

— Я просто реалистка. Завтра вторник. У неё Фаулер. Я бы на её месте уже писала завещание.

— Спасибо, Ева, за моральную поддержку. Ты прекрасный друг. — притворным ворчанием Аврора плюхнулась на диван между Сереной и Кирой, а тарелку с пиццей она забрала себе на колени.

— Завещание, возможно, пригодится — он буквально высасывает душу и радость, как дементор какой-нибудь... Кстати, вы не в курсе, где он раньше преподавал? Ну, до MIT?..

Будто между делом бросила Аврора, меланхолично жуя кусок пепперони. Внутри у нее, однако, все сжалось.

Кира отпила энергетик и задумчиво уставилась в потолок.

— Понятия не имею. Он появился здесь в прошлом году, и как-то сразу... вписался. Будто всегда тут был. Станный тип, но факультет вирусологии его обожает. Или боится. Трудно сказать.

— Я слышала, что он из Европы, — подала голос Серена, откладывая карандаш. — Не то Германия, не то Австрия. Но это слухи. А ещё говорили, что у него есть какое-то отношение к фармацевтическим исследованиям. Ну, типа, до преподавания он работал в частном секторе.

Аделина наконец отложила джойстик — Ева всё равно победила её с разгромным счётом — и присоединилась к разговору.

— Я пыталась сделать о нём сюжет в прошлом семестре. Для кампусного канала. Интервью попросила, а он посмотрел на меня как на букашку и сказал: «Мисс, моё время слишком ценно для студенческих видеоблогов». — Она фыркнула. — Прикинь? И даже не улыбнулся. Просто развернулся и ушёл. Никаких соцсетей, никаких фотографий, никакого прошлого. Как будто его не существовало до того, как он сюда пришёл.

Ева отложила джойстик и потянулась за новой банкой. Её тёмные глаза блеснули в полумраке гостиной.

— Идеальный кандидат на роль маньяка, — прокомментировала она скучающим тоном. — Или правительственного агента под прикрытием. Или вампира, учитывая эти его очки. Кстати, Хиггс, ты чего спрашиваешь? У тебя вид, будто ты призрака увидела.

Пять пар глаз обратились на Аврору.

— Да просто... — неуверенно начала она, но заметив этот пристальный интерес продолжила мысль. — Жуткий он. Вы не были на его лекциях — он действительно прекрасно знает предмет и говорит о вирусах не как о чем-то плохом, с чем нужно бороться, а как... Об инструменте. Который нужно подчинить, или... приручить? Не знаю, как описать это ощущение, но мужик реально повернут на теме. Он мне как-то фразу бросил: «У всего есть вектор, мисс Хиггс. Даже у человеческой слабости» — что бы это не значило. То ли он так деловито меня унизил и мои способности, то ли говорил о чем-то более глобальном... А его темы? Мы изучаем вирусологию с теориями на грани фантастики — то, о чем он рассказывает, еще ни один кандидат наук не доказал. Этого нет в учебниках. Будто он... знает что-то.

Выждав драматичную паузу в наступившей тишине, Аврора решила добить всех своим открытием.

— И я нашла кого-то с его именем в списках погибших в Пирроу. В том самом.

В гостиной повисла абсолютная тишина. Даже Ева перестала жевать.

— Погоди, — Кира подалась вперёд, её синие глаза хищно сузились. — Ты сейчас серьёзно? Пирроу? Тот самый Пирроу, который снесли с лица земли семь лет назад, а правительство до сих пор врёт, что это была «утечка химикатов»?

— Это же закрытая информация, — прошептала Серена, прижимая ладони к щекам. — Откуда у тебя списки погибших?

Аделина, обычно шумная и саркастичная, сейчас сидела неестественно тихо. Потом медленно произнесла:

— Подожди. Ты хочешь сказать, что наш профессор вирусологии носит имя человека, который официально мёртв уже семь лет? И который погиб в эпицентре самой загадочной катастрофы столетия, связанной — совпадение? — с вирусной вспышкой? — Она перевела дыхание и устала на Аврору. — Хиггс, ты понимаешь, как это звучит?

Ева откинулась в кресле. Её лицо оставалось бесстрастным, но голос прозвучал тише обычного:

— Я же говорила. Идеальный кандидат на роль маньяка.

Кира уже достала телефон и что-то быстро печатала. Серена нервно теребила край своего скетчбука.

— Аврора, — Кира подняла взгляд, — тебе не кажется, что это уже не просто «жуткий препод», а что-то другое? Ты ему завтра эссе сдавать идёшь. Лично в руки. В его кабинет. Одна.

— Я о том вам и говорю. Слишком много... совпадений. И он не просто погибший — он указан как капитан спецотряда Н.А.Р.Р. Я не слишком поняла их назначение, в открытых источниках информации почти нет, но они указаны как «группа реагирования на нестандартные угрозы». Это элитное подразделение, в нем наверняка числились только профессионалы, умеющие сдерживать, подавлять и убивать. Что, кстати, объясняет его физическую форму и привычку двигаться... ну не как ученый или профессор, скажем.

Аврора мрачно отложила кусок недоеденной пиццы обратно на тарелку. Аппетит как-то пропал.

— И еще... Он в последнее время постоянно спрашивает меня. Только меня. Будто на курсе из пятидесяти человек я учусь одна. Валит персональной домашкой. Это началось неделю назад, я сама не понимаю, почему. Так что знайте — если в ближайшее время со мной что-нибудь случится, то....

— Так, стоп! — Кира хлопнула ладонью по столу так, что банки с газировкой подпрыгнули. — Никаких «если со мной что-нибудь случится». Мы не в дешёвом хорроре, где героиня идёт в подвал одна и без фонарика.

Она встала и начала расхаживать по гостиной, по-военному заложив руки за спину — привычка, которая появлялась у неё всегда, когда она начинала всерьёз анализировать ситуацию.

— Давайте разложим факты. Первое: наш профессор носит имя погибшего капитана Н.А.Р.Р. Второе: он постоянно в солнцезащитных очках, даже в темноте. Третье: он одержим вирусами и говорит о них как об инструменте эволюции. Четвёртое: он выделил тебя, Аврору, из всего курса и давит сильнее, чем на остальных. — Кира загнула четыре пальца и замолчала.

— Это называется «груминг», — тихо сказала Ева из своего кресла. Все обернулись к ней. Она пожала плечами. — Что? Я читаю криминальные сводки на ночь. Это когда хищник выделяет жертву из толпы и начинает её... подготавливать.

Серена тихо ахнула. Аделина, побледнев, схватила Аврору за руку.

— Подруга, тебе нельзя завтра идти одной. Вообще нельзя. Давай я схожу с тобой? Или Кира? Скажем, что мы ассистируем, или... или что угодно.

— У меня завтра как раз окно после обеда, — тут же отозвалась Кира, скрестив руки. — И я серьёзно. Никаких возражений. Мы тебя одну к нему не отпустим. Ты сама сказала — мужик повёрнут на теме. А теперь выясняется, что он, возможно, ещё и ходячий мертвец из Пирроу.

— Или... — Аврора добавила тихо, — У него иммунитет к тому вирусу, о котором ходят слухи. Или он мутировал. Или... я не знаю.

Обреченно выдохнув, она прикрыла лицо руками, а после взглянула на подруг сквозь пальцы.

— И как вы собираетесь объяснять свое присутствие на лекции по вирусологии? Это не открытое занятие. Журналистика и криминалистика вообще никак с нашим курсом не пересекаются.

Аделина открыла было рот, но тут же закрыла. Кира нахмурилась, подбирая аргументы. Серена беспомощно переводила взгляд с одной подруги на другую.

И тут заговорила Ева. Тихо, монотонно, но с такой уверенностью, что все замолчали.

— Это кампус МИТ, а не частный бункер. Формально на лекции имеют право присутствовать любые студенты института, если преподаватель не возражает. Учебный устав, раздел четыре, пункт двенадцать.

Все уставились на неё. Ева меланхолично сделала глоток энергетика.

— Что? Я скучающая программистка с бессонницей и нездоровым интересом к бюрократическим документам. Устав я прочитала от корки до корки на втором семестре в прошлом году. У каждого свои хобби.

Кира медленно кивнула, и в её глазах зажёгся недобрый огонёк.

— Значит, мы имеем право быть там. А если он начнёт выгонять — это будет выглядеть подозрительно. Профессор не должен возражать против присутствия заинтересованных студентов на открытой лекции. — Она усмехнулась. — Особенно если один из этих студентов — специалист по профайлингу.

— О, я тоже иду, — Аделина решительно подняла руку. — У меня канал. Скажу, что готовлю расширенный репортаж о факультете вирусологии. «Погружение в науку» или что-то такое. Если он начнёт выпендриваться — это будет отличный материал о том, как профессура МИТ «препятствует студенческой журналистике».

— А я... — Серена замялась, теребя край рукава, но потом всё же расправила плечи. — Я могу сказать, что изучаю междисциплинарные связи. Вирусы и ботаника. Фитопатогены, передающиеся через споры растений. Это не совсем ложь, вообще-то такая тема существует...

— Ну вот, — Кира обвела всех взглядом. — Четыре человека. Плюс ты. Это не армия, но уже свита. Он не посмеет ничего сделать при свидетелях.

Ева издала короткий смешок, больше похожий на всхлип.

— Или мы все впятером попадём в его «список особо любопытных студентов, подлежащих устранению или экспериментам». В любом случае — звучит весело.

Аделина хлопнула в ладоши.

— Значит, план такой. Завтра мы вчетвером сидим на лекции как приличные вольнослушатели. Потом Аврора идёт сдавать эссе — и минимум одна из нас идёт с ней в кабинет. Остальные ждут в коридоре. Если через пятнадцать минут она не выходит — мы устраиваем пожарную тревогу. Или что похуже.

— У меня есть свисток, — серьёзно добавила Серена. — На случай... ну, опасных ситуаций.

Кира одобрительно кивнула и повернулась к Авроре.

— Что скажешь, Хиггс? Ты у нас главная пострадавшая, тебе решать. Принимаешь группу поддержки?

— Да, конечно. — выдохнула она, чувствуя, как внутри что-то отпускает. — Я только «за». Если честно, одной мне действительно было бы жутковато.

— Вот и славно! — Аделина подскочила с дивана и схватила со стола остывший кусок пиццы как микрофон. — Операция «Анти-Фаулер» объявляется открытой! У нас есть цель, у нас есть план, у нас есть... э-э-э...

— Свисток, — подсказала Серена, доставая из кармана домашних штанов маленький серебристый свисток на цепочке. — Я же серьёзно. Он был у меня с первого курса. На всякий случай.

Кира одобрительно хмыкнула, а Ева молча подняла вверх большой палец.

— Ладно, — Кира допила энергетик и поставила банку на стол. — Тогда давайте по-серьёзному. Когда у вас завтра пара?

— Вторая смена. Начало в час, — ответила Аврора, сверяясь с расписанием в телефоне. — Сначала семинар в аудитории 309, а потом он обычно оставляет время на индивидуальные консультации. Как раз тогда, наверное, и нужно будет сдать эссе.

— Отлично. В час мы все свободны? — Кира обвела глазами комнату, и девушки одна за другой кивнули. — Тогда встречаемся в час у входа в корпус Джеффсона. Не опаздывайте. И оденьтесь... обычно. Как студенты. Мы не должны привлекать внимание.

— Я приду с камерой, — Аделина уже листала что-то в телефоне. — Маленькая, незаметная. На случай, если он скажет что-то... интересное.

Серена спрятала свисток обратно в карман и тихо спросила:

— Аврора, а ты точно в порядке? Ну, после всего, что узнала? Это ведь не шутка — узнать такое о человеке, с которым встречаешься каждую неделю.

Ева перевела взгляд на блондинку и добавила с несвойственной ей мягкостью:

— Если хочешь, можем сегодня устроить марафон фильмов ужасов. Для снятия стресса. Ничто не успокаивает лучше, чем наблюдать, как кто-то другой делает глупые ошибки в смертельно опасной ситуации.

— Знаете... — Аврора слабо улыбнулась, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отступает. — Фильмы ужасов звучат как отличная идея. По крайней мере, там монстры хотя бы честно показывают свои клыки.

— Вот это настрой! — Аделина хлопнула её по плечу. — Кто за классику? «Нечто»? «Чужой»? Или что-нибудь из зомби-тематики, раз уж у нас завтра день вирусологии?

— Только не «Зловещие мертвецы», — фыркнула Кира. — Хватит с нас и реальной истории с Пирроу и «Эгидой».

— «28 дней спустя», — предложила Ева, потягиваясь в кресле. — Там вирус, мутации, и отличный саундтрек. И главное — все бегает. Никаких медленных зомби, которые вечно догоняют только неудачников.

Серена уже включила ноутбук и загружала стриминговый сервис.

— Я за «28 дней спустя». Поставлю чайник. Кому что? У нас есть зелёный чай, мятный и... кажется, ромашковый. Для тех, кто хочет притвориться, что мы сейчас успокоимся и уснём как нормальные люди.

— Кофе, — хором ответили Кира и Ева.

— Энергетик, — поправила Аделина, роясь в мини-холодильнике. — Кто-то должен бодрствовать и следить, чтобы Хиггс не начала гуглить новые списки погибших посреди фильма.

Аврора рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему. Она устроилась на диване между Кирой и Сереной, укуталась в плед, который кто-то заботливо накинул ей на плечи, и позволила себе просто быть здесь, в кругу подруг, а не в холодной аудитории под взглядом

человека, который, может, и не был монстром из фильма ужасов, однако первобытный страх умел вселять не хуже выдуманных зомби.

На экране побежали вступительные титры. За окном ветер раскачивал ветви старого вяза. Где-то вдалеке, на холме, возвышался тёмный силуэт корпуса имени Илая Джеффсона.

Завтрашний день обещал быть интересным.

Глава 2: Ультиматум

Ночь прошла спокойно. Фильмы закончились далеко за полночь, и девушки разошлись по комнатам только после того, как Ева зевнула в пятый раз подряд и заявила, что «даже апокалипсис не стоит её восьми часов сна». Аврора уснула почти сразу — казалось нервное напряжение, — но сон был неглубоким, тревожным, полным смутных образов: красные глаза в темноте, длинные коридоры под землёй, звук капающей воды и чей-то голос, повторяющий одну и ту же фразу: «У всего есть вектор, мисс Хиггс...».

Утро выдалось серым и пасмурным. Сентябрьское небо затянули тяжёлые облака, обещающие дождь. Аврора проснулась раньше будильника, полежала несколько минут, глядя в потолок и собираясь с мыслями, а затем заставила себя встать. В ванной она долго стояла под горячей водой, пытаясь смыть липкое ощущение тревоги. Затем — привычный утренний ритуал: уложить длинные волосы в аккуратные волны, легкий макияж, подобрать наряд — высокие гольфы, юбка, твидовый пиджак и туфли на небольшом каблучке. Эссе, распечатанное на принтере в гостиную вчера вечером, лежало в папке. Двадцать страниц. Она их написала. Кажется, неплохо. Теперь осталось только вручить их человеку, который, возможно, официально мёртв. Когда Аврора спустилась в гостиную, Кира уже была там. Она стояла у окна с кружкой кофе, одетая в свою обычную практичную одежду — тёмные джинсы, футболка, лёгкая куртка. Увидев Аврору, она кивнула.

— Готова?

— Насколько это вообще возможно.

Из кухни выглянула Серена с тостом в руке.

— Я собрала нам всем перекус. На случай, если... ну, если придётся долго сидеть в засаде. Или если лекция затянется.

— Засада, — повторила Ева, спускаясь по лестнице с книгой под мышкой. — Мне нравится, как это звучит. Мы теперь официально отряд спецназа. Отряд «Любопытные студентки». Девиз: «Мы просто хотели сдать эссе».

Аделина появилась последней, с маленькой камерой в руках и рюкзаком за плечами. Её глаза горели тем самым опасным журналистским огоньком, который обычно предвещал сенсацию — или неприятности.

— Всё, я готова. Батарея заряжена, память очищена. Если этот тип сегодня скажет что-то интересное — оно останется в записи.

Кира поставила кружку на стол и обвела всех взглядом.

— Помните: мы просто студентки, которые интересуются вирусологией. Никакой конфронтации. Никаких прямых вопросов. Мы наблюдаем, слушаем и поддерживаем Аврору. Если что-то пойдёт не так — уходим все вместе. Никто никого не оставляет. Всё ясно?

Четыре кивка.

— Тогда выдвигаемся.

Сентябрьский ветер встретил их за порогом общежития — влажный, порывистый, пахнущий прелыми листьями и приближающимся дождём. Пять фигур двинулись по мощёной дорожке через кампус в сторону холма, где возвышался корпус имени Джеффсона.

Кампус в этот час был полупустым. Редкие студенты пробегали мимо, пряча лица в воротники от ветра. Где-то вдалеке гудел газонокосильщик. Обычный университетский день. Почти.

— Кстати, — нарушила молчание Аделина, на ходу проверяя настройки камеры, — я тут ночью, пока все спали, покопалась в архивах. Точнее, в том, что от них осталось после Пирроу. Знаете, что странно? В официальных документах нет ни одной фотографии капитана Фаулера. Вообще. Как будто кто-то подчистил все снимки.

— Или он сам, — отозвалась Ева, не отрываясь от книги, которую умудрялась читать на ходу. — Если он действительно тот, о ком мы думаем, то семь лет — достаточный срок, чтобы замести следы.

Корпус Джеффсона выросал перед ними из утреннего тумана. Красный кирпич, увитый плющом, высокие стрельчатые окна, массивные дубовые двери. Архитектура, которая в солнечный день выглядела величественно, сейчас казалась мрачной и давящей. Аврора поёжилась. Она проходила через эти двери десятки раз, но сегодня они напоминали вход в склеп.

Внутри пахло старым деревом, химическими реагентами и чем-то ещё — едва уловимым, стерильным, как в больнице. Их шаги гулким эхом разносились по пустому вестибюлю. Главная лестница уходила вверх, к аудиториям. Где-то на третьем этаже находилась аудитория 309.

— У нас ещё пятнадцать минут, — сверилась с часами Кира. — Предлагаю зайти и занять места до того, как он появится. Не хочу, чтобы он видел, как мы всей толпой вваливаемся.

— Согласна, — кивнула Серена, нервно поправляя лямку рюкзака. — Меньше внимания — лучше.

Девушки поднялись на третий этаж. Коридор был пуст, лишь в дальнем конце мерцала лампа дневного света. Дверь в аудиторию 309 была приоткрыта. Внутри уже сидело несколько студентов — обычная группа Авроры. Они с удивлением уставились на процессию из четырёх незнакомок, вошедших следом за Хиггс.

— Э-э-э... — подала голос одна из студенток, рыжеволосая девушка по имени Марта, с которой Аврора иногда обменивалась конспектами. — Хиггс, ты привела группу поддержки?

— Вольнослушатели, — коротко ответила Кира, усаживаясь в последнем ряду с таким видом, будто имела полное право здесь находиться. Аделина, Серена и Ева расселись рядом.

Аврора заняла своё обычное место — третий ряд, ближе к окну. Положила папку с эссе на парту и попыталась унять дрожь в пальцах.

В аудитории постепенно собирались остальные студенты. Гул голосов, шорох тетрадей, скрип стульев. Всё как обычно. Кроме четырёх пар глаз в последнем ряду и ледяного комка в животе.

Ровно в час дня дверь аудитории распахнулась.

В аудиторию вошёл Виктор Фаулер.

Он двигался по-другому, не как остальные преподаватели — без лишних движений, хищно и плавно, как зверь, привыкший контролировать пространство вокруг себя. Чёрный костюм сидел на нём безупречно. Светлые, почти платиновые волосы были зачёсаны назад. И, разумеется, на лице красовались неизменные солнцезащитные очки, полностью скрывающие глаза. В пасмурном свете аудитории они казались двумя чёрными провалами.

Он не поприветствовал аудиторию. Вместо этого Фаулер молча остановился у кафедры, положил на неё тонкую кожаную папку и медленно обвёл помещение взглядом. Его голова чуть повернулась, когда он заметил четырёх незнакомых студенток в последнем ряду. Пауза. Долгая. На грани приличия.

— Вижу, сегодня у нас расширенная аудитория, — произнёс он наконец. Голос — низкий, бархатный, с едва уловимой насмешкой. Ни намёка на удивление.

— Мисс Хиггс, — его лицо обратилось к Авроре, и она физически ощутила этот взгляд, спрятанный за чёрными стёклами, — не соблаговолите ли представить ваших... спутниц? Или они предпочитают анонимность?

В последнем ряду Кира незаметно напряглась. Аделина, напротив, широко улыбнулась и уже открыла рот, чтобы ответить, но Фаулер поднял руку, останавливая её, даже не глядя в ту сторону.

— Я спросил мисс Хиггс.

В аудитории повисла тишина. Марта и остальные студенты замерли, переводя взгляды с профессора на Аврору и обратно.

Аврора почувствовала, как сердце пропустило удар. Холодок из ее ночных кошмаров вернулся, пробежав по позвоночнику и оседая где-то в кончиках пальцев. Он знал. По его тону, по этой ленивой, почти издевательской манере спрашивать было ясно — он знал, что девушки здесь не просто так.

Она заставила себя выпрямиться и встретить его невидимый взгляд. Паника сейчас — худший из возможных вариантов. Играть. Нужно просто играть свою роль.

— Конечно, профессор. — Ее голос прозвучал на удивление ровно, учитывая, что внутри у нее все дрожало. Она обернулась и указала на последний ряд: — Это Аделина, наш кампусный журналист. Она готовит расширенный репортаж о факультете вирусологии.

Аделина помахала рукой с самой невинной из своих улыбок.

— Кира и Серена, мои подруги с факультетов криминалистики и ботаники. Их заинтересовала междисциплинарная тема на стыке наших специальностей. А Ева...

— Просто мимо проходила, — монотонно закончила Ева, перелистывая страницу книги, даже не подняв головы. — И решила, что знание вирусологии не будет лишним перед лицом неминуемой гибели человечества.

Фаулер чуть склонил голову набок. Уголок его губ дрогнул — то ли в усмешке, то ли в чем-то более хищном.

— Отрадно видеть столь... разносторонний интерес к моему предмету. — Он медленно обошел кафедру и начал свой обычный проход между рядами. Студенты инстинктивно вжимались в стулья. — Обычно вольнослушатели посещают лекции по истории искусств или, скажем, введению в психологию. Вирусология — специфический выбор.

Он остановился аккуратно напротив стола Авроры. Его тень упала на столешницу, на папку с эссе. Длинные пальцы — холеные, с безупречным маникюром — легли на край парты.

— Что ж, — произнес он, и его голос понизился до почти интимного полусшепота, предназначенного, казалось, только для нее одной, — Надеюсь, ваш интерес, леди, продлится дольше одного занятия. Я не люблю, когда студенты покидают мой курс... не завершив его.

С этими словами он развернулся и направился обратно к кафедре. Лекция началась.

Как и ожидалось, она была не похожа ни на одну другую в этом университете. Фаулер говорил о вирусах не как о патогенах, с которыми нужно бороться, а как об инструментах, оружии, о ключах к закрытым дверям человеческого генома. Его голос, низкий и размеренный, заполнял аудиторию, проникая под кожу.

— Вирус — это не враг, — произнёс он, останавливаясь у проекционного экрана, на котором отображалась трёхмерная модель аденовируса. — Вирус — это курьер. Он доставляет генетический материал в клетку. Вопрос лишь в том, какое послание он несёт. Смерть. Или эволюцию.

Он обвёл аудиторию взглядом, и Аврора готова была поклясться, что на долю секунды его скрытые очками глаза задержались именно на ней.

— Природа создала вирусы как механизм изменений. Мутации, которые они вызывают, — это не ошибки. Это эксперименты. Природа пробует разные варианты, разные векторы развития. Большинство организмов погибает. Но некоторые... адаптируются. Становятся чем-то большим, чем были прежде.

Аделина в последнем ряду тихо присвистнула. Кира, не отрываясь, следила за каждым движением профессора с выражением профессионального интереса на лице — она читала его язык тела, манеру речи, микровыражения. Серена торопливо записывала что-то в блокнот, хотя лекция явно выходила за пределы привычной ей ботаники. Ева... Ева отложила книгу и теперь смотрела на Фаулера с тем же выражением, с каким, вероятно, смотрела бы на редкий, но крайне опасный вид ядовитой змеи.

— Возьмём, к примеру, вирус Эбола, — продолжал Фаулер, и на экране сменилась схема. — Смертность до девяноста процентов. Инкубационный период — от двух дней до трёх недель.

Но что, если представить штамм, который сокращает инкубационный период до нескольких часов? Который не убивает носителя, а... меняет его?

Он сделал паузу, и в аудитории повисла звенящая тишина. Никто не шевелился.

— Это, конечно, чисто гипотетический сценарий, — уголок его губ дрогнул в тени улыбки. — Но в рамках данного курса мы не боимся гипотез, не так ли, мисс Хиггс?

Аврора вздрогнула от неожиданности. Он снова обратился к ней. Персонально. При всех. Сидящая позади Марта сочувственно вздохнула.

— Да, профессор, — ответила Аврора, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Наука без гипотез — это лишь коллекционирование фактов.

Фаулер медленно кивнул. В этом жесте не было похвалы — скорее удовлетворение лекционера, рассматривающего любопытный экземпляр.

— Именно. Что ж, на сегодня теоретической части достаточно. Перейдём к практической. — Он отошёл от экрана и взял со стола стопку распечатанных заданий. — Сегодня мы займёмся моделированием вирусного патогенеза. Разбейтесь на пары. Мисс Хиггс...

Он сделал паузу, и Аврора замерла.

— Вы будете работать со мной. Мне нужно обсудить ваше эссе.

По аудитории пронёсся едва слышный шёпот. Студенты переглядывались — кто-то с сочувствием, кто-то с откровенным облегчением, что выбор профессора пал не на них. Марта бросила на Аврору взгляд, который яснее слов говорил: «Подруга, ты влипла».

В последнем ряду Кира напряглась, как сжатая пружина. Аделина вскинула камеру, но наткнулась на предостерегающий жест Серены и опустила её. Ева, единственная из всех, сохранила полную невозмутимость — только пальцы, сжимавшие корешок книги, побелели.

— Остальных, — продолжал Фаулер, раздавая задания с таким видом, будто только что не произнёс ничего особенного, — прошу приступить к работе. У вас сорок пять минут. Результаты моделирования оформите в виде краткого отчёта.

Он развернулся к Авроре и сделал приглашающий жест в сторону двери, ведущей в смежную лабораторию — небольшое помещение с рабочими столами, микроскопами и компьютерным оборудованием, которое использовалось для практических занятий.

— Прощу, мисс Хиггс. Ваше эссе, полагаю, у вас с собой?

Аврора поднялась на ноги. Двадцать пар глаз провожали её, пока она шла к двери лаборатории. В проёме она на мгновение обернулась и встретилась взглядом с Кирой. Та едва заметно кивнула — «Я слежу. Если что — мы здесь».

Дверь лаборатории закрылась за ними с мягким щелчком. Автоматический замок. Аврора оказалась в небольшом помещении, залитом холодным светом люминесцентных ламп. Столы с лабораторным оборудованием, стеклянные шкафы с реактивами, компьютерный терминал в углу. И Фаулер.

Он не торопился начинать разговор. Вместо этого он медленно обошёл лабораторию, проверяя что-то на одном из приборов, поправил стопку чистых пробирок на столе. Его спина была обращена к Авроре, и от этого молчания ей становилось только тревожнее.

— Двадцать страниц, — произнёс он наконец, не оборачиваясь. — Вы серьёзно отнеслись к заданию, мисс Хиггс. Похвально. Большинство ваших сокурсников ограничились бы четырнадцатью. Минимум усилий для минимального проходного балла.

Он повернулся. Свет ламп отражался в стёклах его очков, превращая их в два непроницаемых зеркала.

— Положите эссе на стол.

Аврора молча шагнула к столу и положила папку с эссе на холодную металлическую поверхность. Её пальцы на мгновение задержались на обложке, прежде чем отпустить. Двадцать страниц. Несколько часов напряженной работы в сжатых сроках. И сейчас всё это лежало между ней и человеком, который, возможно, вообще не был человеком.

Фаулер не притронулся к папке. Вместо этого он медленно обошёл стол, сокращая дистанцию. Его движения были плавными, почти ленивыми — так двигается хищник, уверенный, что жертве некуда бежать.

— Вы нервничаете, мисс Хиггс, — произнёс он. Это был не вопрос. — Ваш пульс участился. Зрачки расширены. Дыхание стало более поверхностным. Классические признаки реакции «бей или беги». — Он склонил голову набок, разглядывая её. — Любопытно. Мы всего лишь собираемся обсудить академическую работу. Отчего же такая реакция?

Аврора сглотнула. Воздух в лаборатории казался разреженным, стерильным, пропитанным запахом химикатов и чего-то ещё — слабого, почти неуловимого, похожего на озон после грозы.

— Вы... довольно требовательный преподаватель, профессор, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Любой студент нервничает перед вашей оценкой.

Фаулер издал короткий смешок — сухой, лишённый тепла. Он взял папку, открыл её и пробежал глазами по первой странице.

— «Влияние вектора штамма на структуру ДНК носителя», — зачитал он. — Смелый выбор темы. Особенно для студентки второго курса. Большинство ваших коллег предпочли что-то более... безопасное. «История вирусологии». «Методы профилактики». Все, что я оставил вам в обширном перечне тем. А вы из всех выбрали тему мутаций. Почему?

Он поднял взгляд от страницы, и Аврора снова ощутила на себе тяжесть его невидимых глаз. Этот вопрос не был праздным любопытством. Он что-то проверял. Что-то искал.

Аврора выдержала паузу, собираясь с мыслями. В голове пронеслось сразу несколько вариантов ответа — от безопасного академического до глупого «потому что тема интересная». Но что-то в его позе, в этом ленивом, но цепком внимании подсказывало ей: он почует ложь за милую. Оставалось только одно — говорить правду. Или почти правду.

— Потому что меня интересует потенциал изменений, — произнесла она, встречая его скрытый взгляд. — Вирусы — это не просто болезнь. Вы сами сказали, профессор: это курьер, который доставляет послание. И если послание может быть разным... то почему бы одному из них не нести не смерть, а эволюцию? Это же и есть суть вашего курса — мы не просто учимся бороться с вирусами, мы учимся понимать их природу. И... тех, кто с ними работает.

Последняя фраза вырвалась почти случайно. Аврора тут же пожалела о ней, заметив, как дрогнул уголок его губ.

Фаулер медленно закрыл папку. Звук вышел негромким, но в тишине лаборатории он прозвучал как щелчок взводимого курка.

— «Тех, кто с ними работает», — повторил он, смакуя каждое слово. — Любопытная формулировка. Обычно студенты говорят «учёные» или «вирусологи». А вы говорите о ком-то... ином.

Он положил папку обратно на стол и сделал шаг ближе. Авроре пришлось приложить все усилия, чтобы не отступить.

— Знаете, мисс Хиггс, я наблюдаю за вами уже несколько недель. Вы задаёте вопросы, которые не задают другие студенты. Вы ищете информацию за пределами учебной программы. Вы читали о Пирроу — а это, поверьте, не та тема, которую выбирают для курсовой работы просто из любопытства.

Аврора замерла. Сердце пропустило удар.

— Ваши подруги, — он небрежно кивнул в сторону двери, за которой остались Кира, Аделина, Серена и Ева, — они ведь здесь не из-за журналистского интереса. И уж точно не из-за «междисциплинарного подхода». Они здесь, потому что вы что-то нашли. Что-то, что заставило вас бояться.

Он наклонился ближе. Его голос упал до шёпота, и в этом шёпоте было что-то почти интимное — и пугающее одновременно.

— Так что же вы нашли, Аврора? И главное — что вы собираетесь с этим делать?

Аврора почувствовала, как кровь отлила от лица. Он знал. Знал с самого начала. Вся эта игра в профессора и студентку была именно игрой — и сейчас он давал понять, что фигуры на доске расставлены так, как нужно ему.

В висках застучало. В голове пронесли варианты: отпираться, притвориться душой, сослаться на стресс и недосып. Но Фаулер стоял слишком близко, и этот озоновый запах, исходящий от него, казалось, проникал в лёгкие, лишая воли.

Она подняла на него глаза. В стёклах его очков отражалось её собственное лицо — бледное, испуганное. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха, зашевелилась злость. На него. На себя. На эту дурацкую ситуацию, в которую она сама себя загнала.

— Я нашла списки погибших в Пирроу, — сказала она тихо, но твёрдо. — Там было ваше имя. Капитан Виктор Фаулер, отряд Н.А.Р.Р. отделение «Альфа». Признан погибшим при исполнении семь лет назад. Что я собираюсь с этим делать? — она горько усмехнулась. — Ничего. Я просто хотела знать, кому сдаю эссе. Живому человеку. Или... нет.

В лаборатории повисла тишина — густая, вязкая, как сироп. Фаулер не двигался. Его лицо оставалось бесстрастным, но что-то изменилось в воздухе вокруг него. Напряжение, исходящее от его фигуры, стало почти осязаемым.

Затем он медленно снял очки.

Аврора замерла. Это было последнее, чего она ожидала.

Без очков лицо Фаулера выглядело иначе — тоньше, острее, опаснее. Но не это заставило её дыхание сбиться. Его глаза — неестественные, горящие алым светом изнутри, с вертикальными зрачками, как у рептилии, — смотрели прямо на неё. Они светились в полумраке лаборатории, словно два раскалённых угля.

— Вы хотели знать, кому сдаёте эссе, — произнёс он, и теперь его голос звучал глубже, с какой-то вибрирующей ноткой, которой Аврора не слышала раньше. — Смотрите.

Он позволил ей смотреть. Секунду. Две. Три. Достаточно, чтобы она успела разглядеть всё — и нечеловеческий цвет радужки, и то, как зрачок сужается и расширяется, фокусируясь на ней с хищной точностью.

Затем он снова надел очки. Но образ уже впечатался в память Авроры — она знала, что не забудет эти глаза до конца жизни.

— Семь лет назад я действительно был признан погибшим, — продолжил он, возвращаясь к своему обычному, лекторскому тону. — Официальные отчёты не лгут. Виктор Фаулер, капитан Н.А.Р.Р., мёртв. То, что стоит перед вами — нечто иное. Результат... эксперимента.

Он обошёл её, направляясь к компьютерному терминалу в углу лаборатории.

— Вирус, с которым я работал, должен был убить меня. Вместо этого он меня перестроил. Усовершенствовал. — Он нажал несколько клавиш, и на экране появилась трёхмерная модель какого-то сложного молекулярного соединения. — Сильнее, быстрее, выносливее. Регенерация. Ускоренные рефлексy. И глаза, разумеется — небольшая плата за эволюцию.

Он повернулся к Авроре. Его голос стал ниже, интимнее, но в нём появилась сталь.

— А теперь, мисс Хиггс, главный вопрос. Вы — талантливая студентка с блестящим потенциалом и, как выяснилось, с незаурядной тягой к расследованиям. Вы нашли то, что не предназначалось для посторонних глаз. Вопрос в том, что мне теперь с вами делать?

Аврора стояла, не в силах отвести взгляд от тёмных стёкол, за которыми теперь, как она знала, скрывались эти нечеловеческие глаза, которые будут снится ей до конца жизни в кошмарах, если она вообще после такого покинет эту лабораторию. Сердце колотилось где-то в горле, но странное дело — парализующий страх начал отступать, сменяясь чем-то другим. Осознанием. Он не убил её сразу. Он показал ей правду. Зачем? Если она расходный материал — зачем весь этот разговор?

— Вы спрашиваете, что со мной делать, — она облизала пересохшие губы. — Но, если бы вы хотели просто... избавиться от проблемы, мы бы не разговаривали. Вы бы не показывали мне свои глаза. И вы бы не рассказывали про эволюцию.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями. Где-то в глубине сознания билась мысль: «Аврора, ты либо гений, либо идиотка — третьего не дано». Но она уже начала, и отступить было поздно. — В Пирроу погибли тысячи людей. Официальная версия — авария на производстве. Неофициальная — утечка биологического оружия. Вы были там. Вы были частью этого. И вы... выжили. Стали чем-то большим. Вы сказали вирус «усовершенствовал». Не «изменил», не «искалечил». Вы действительно считаете себя улучшенной версией человека... Вы — эволюция.

Она шагнула вперёд — всего на полшага, но это потребовало от неё всей смелости, которая у неё была.

— Все эти эссе, дополнительные вопросы, вскользь брошенные формулировки на лекциях с вашими... претенциозными утверждениями насчет роли вирусов... Вы проверяли меня.

Аврора вдруг запнулась и закусила губу, о чем-то догадавшись. Она судорожно выдохнула.

— Тот список... Те материалы, которых нет в учебниках, и которые я использовала для своей домашки. Они должны были быть засекречены, на них не должны были наткнуться студенты... Это вы. Вы дали к ним доступ, зная, что я буду искать.

Фаулер молчал. Целую вечность — секунд десять, не меньше, — он просто стоял и смотрел на неё. А потом его губы медленно растянулись в улыбке. Не в той холодной, саркастичной усмешке, которую он адресовал аудитории. Нет, в этой улыбке читалось что-то новое. Удовлетворение? Нет, больше — одобрение. Сродни тому, как учёный одобряет неожиданно успешный результат эксперимента.

— Bravo, мисс Хиггс. — Он склонил голову в лёгком поклоне. — Вы превзошли мои ожидания. Да. Конечно, я дал вам доступ. Разумеется, это был я. Вы думаете, что случайно наткнулись на эти материалы, потому что вам «повезло» с поисковым запросом? Или потому, что вы особенная? Нет. Я просто открыл вам дверь. И вы в неё вошли. Без колебаний. Без оглядки.

Он обогнул стол и теперь стоял совсем близко. Авроре казалось, что она чувствует исходящий от него жар, хотя это могло быть игрой воображения — или ознобом, попеременно охватывавшим её саму.

— Вы правы в своей догадке: если бы я хотел, чтобы вы замолчали навсегда, мы бы не разговаривали. Но вы мне интересны, Аврора. Не как студентка. Не как очередной объект для наблюдения. Вы задаёте вопросы, которые не должны задавать. Вы мыслите так, как не должна мыслить обычная второкурсница. Вы находите ответы быстрее, чем я ожидал.

Он сделал паузу, позволяя своим словам осесть в тишине.

— Вы сказали, что я проверял вас. Это так. Но не только из академического любопытства.

Он нажал клавишу на терминале, и на экране сменилось изображение. Трёхмерная модель вируса исчезла, уступив место сложной схеме — генетические маркеры, цепочки ДНК, какие-то пометки, смысла которых Аврора пока не понимала. Но она узнала одно: в углу схемы значился её студенческий идентификационный номер. A841-H.

— Я ищу не просто талантливых студентов. Я ищу носителя. Партнёра. Человека, чей генетический профиль совместим с моим настолько, чтобы... создать следующую ступень. — Его голос стал тише, но жёстче. — Вы ведь уже поняли? Вирус сделал меня идеальным организмом. Но он же лишил меня возможности передать эти гены естественным путём. Для продолжения рода — для создания истинного наследника — мне нужна идеальная кандидатка. С правильной генетикой. С правильным интеллектом. С готовностью принять будущее.

Он наклонился вперёд, упираясь ладонями в стол по обе стороны от неё, и теперь его лицо было в нескольких дюймах от её лица.

— Вы прошли все тесты, Аврора. Все до единого. Сами того не зная. И я предлагаю вам выбор. Простой, как всё гениальное: остаться здесь, в лаборатории, и стать частью эволюции — добровольно. Или покинуть этот кабинет прямо сейчас. И забыть обо всём, что видели. Но тогда вы навсегда останетесь по ту сторону двери, которую я перед вами открыл.

Аврора смотрела на экран, на собственный идентификационный номер, на генетические маркеры, значения которых она не понимала до конца, но о которых догадывалась. Её искали. Её выбрали. Не случайно, не по ошибке — методично, расчётливо, как выбирают племенную кобылу или лабораторную мышь с нужным фенотипом. Она стояла, прижатая к краю стола, чувствуя исходящий от него жар. В голове звенело.

«Идеальная кандидатка». «Создать наследника». «Стать частью эволюции».

Эти слова бились о стенки черепа, как испуганные птицы. Она ожидала чего угодно. Что он будет угрожать ей. Что он предложит работу на «Эгиду». Что он сотрёт ей память каким-нибудь экспериментальным препаратом. Но это... Где-то в глубине души она должна была испытывать ужас. Отвращение. Гнев. И всё это там было — она чувствовала эти эмоции, но они казались далёкими, приглушёнными, как звук телевизора в соседней комнате. А на первом плане, заслоняя всё остальное, пульсировала мысль: «Он сказал правду. Он действительно показал мне дверь. И теперь я стою на пороге».

— Вы... вы хотите, чтобы я... — слова застряли в горле. Она зажмурилась, пытаясь собрать рассыпающиеся мысли. — Вы говорите о ребёнке. О живом ребёнке, заражённом вирусом. И вы хотите, чтобы я стала... инкубатором. Матерью вашего эксперимента. И при этом вы предлагаете мне «выбор»?

Она открыла глаза и посмотрела на него — прямо в чёрные стёкла очков. Страх никуда не делся, он всё ещё был там, под рёбрами, холодный и липкий. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Ярость. Любопытство. И — она едва могла в это поверить — странное, болезненное возбуждение от того, что она стоит на пороге чего-то невообразимого.

— Вы сказали «добровольно». То есть, теоретически, у меня есть шанс отказаться и уйти. Но что тогда? Вы просто отпустите меня? Человека, который знает о ваших планах, о вирусе и о том, кто вы... на самом деле? «Идеальная кандидатка» с «идеальной генетикой» ... Что-то мне подсказывает, что найти подходящий вам профиль не так-то просто. Я изучала тему, поверхностно — но я знаю шансы того, что «гипотетический ретровирус» встроится в ДНК без апоптоза ничтожно малы. Прошу прощения, профессор, но я вынуждена подозревать вас в откровенной лжи насчет того, что у меня действительно есть выбор.

Фаулер выпрямился. Его лицо оставалось бесстрастным, но в голосе, когда он заговорил, прозвучали новые нотки — не раздражение, нет, скорее... уважение. Она снова ответила не так, как он ожидал. А он, похоже, не привык, чтобы его ожидания не оправдывались.

— Вы правы, — произнёс он, и эти два слова повисли в воздухе, как приговор. — Искать замену вам — долго. Слишком долго. Ваш профиль действительно редок. Потребовалось два года, чтобы найти одну подходящую кандидатку. Вас.

Он отступил на шаг — давая ей пространство, но не свободу. Аврора заметила, что он встал ровно на линии, ведущей к двери. Перекрывая выход. Случайно? О, нет. Такие, как он, ничего не делают случайно.

— Вы умны, Аврора. Умнее, чем я предполагал. Вы мгновенно просчитали, что я блефую насчёт свободы выбора. — Он скрестил руки на груди.

— Что ж. Давайте говорить откровенно. Как взрослые люди. Без игр. Без лжи. Вы правы: уйти и забыть я вам не позволю. Вы знаете слишком много. Ваши подруги, — он кивнул в сторону двери, — тоже под подозрением, хотя они ещё не понимают, во что ввязались. Вы все — проблема, которую мне придётся решать. И решение зависит от вас.

Он подошёл к терминалу и вывел на экран новую информацию. На этот раз это были не схемы и не маркеры — это был список. Список из четырёх имён: Кира Танг, Аделина Вэйн, Серена Монтерри, Ева Краусберг. Напротив каждого имени горел статус: «Под наблюдением». Ниже — строчка: «Протокол устранения: ожидает активации».

У Авроры перехватило дыхание.

— Четыре жизни, — произнёс Фаулер, и теперь его голос звучал почти устало, будто он объяснял простую истину нерадивому студенту. — Четыре жизни в обмен на ваше согласие. Согласитесь — и они продолжат учиться, смеяться, играть в свои видеоигры и монтировать свои репортажи. Никто из них никогда не узнает, что произошло в этой лаборатории. Они уедут из MIT через пару лет с дипломами и светлым будущим. Откажетесь — и я активирую протокол. Все четверо исчезнут. Несчастный случай. Пропаж в лесу. Отчисление по состоянию здоровья — вариантов масса. И это случится до конца недели.

Он повернулся к ней, и даже сквозь очки Аврора ощутила всю тяжесть его взгляда.

— Вот ваш настоящий выбор, Аврора. Не «стать частью эволюции или уйти». А «спасти подруг или похоронить их». То, что вы станете матерью моего наследника, я уже решил за вас. Единственное, что зависит от вас — будут ли ваши подруги жить.

Аврора смотрела на экран. Четыре имени. Четыре жизни. Кира, которая сегодня утром поила её кофе и говорила: «Мы тебя одну не отпустим». Аделина, которая вчера смеялась и называла её «главной пострадавшей». Серена с её серебряным свистком и тихой, но нестигаемой храбростью. Ева с её мрачными шутками про смерть, которая на самом деле любила жизнь сильнее, чем кто-либо из них.

Четыре жизни. И её собственная — уже списанная, уже принадлежащая ему, что бы она ни решила. Он даже не скрывал этого. «То, что вы станете матерью моего наследника, я уже решил за вас». Не вопрос. Не предложение. Констатация факта.

Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от страха — от бессильной ярости. От осознания того, насколько тщательно он всё продумал. Он не просто загнал её в угол — он выстроил этот угол вокруг неё, кирпичик за кирпичиком, с того самого дня, как она впервые переступила порог его аудитории.

— Вы чудовище, — произнесла она тихо. Голос дрожал, но не срывался. — Вы знаете это? Вы настоящее чудовище. Не из-за вируса. Не из-за глаз. А потому, что вы используете людей. Их жизни. Их дружбу. Их любовь. Вы превращаете всё это в инструменты. В рычаги давления. И вы даже не видите в этом ничего плохого.

Фаулер выслушал её с абсолютно невозмутимым выражением лица.

— Я вижу в этом необходимость, — ответил он спокойно. — Эволюция никогда не была моральной категорией, мисс Хиггс. Природа не спрашивает у газели, согласна ли она быть съеденной львом. Она просто действует. Я — действую. И в отличие от природы, я даю вам шанс сохранить жизни тех, кто вам дорог. Это больше, чем кто-либо предлагал мне.

Он шагнул к двери и нажал кнопку интеркома на стене.

— Я даю вам время до завтрашнего утра, чтобы принять окончательное решение. Сейчас вы вернётесь в аудиторию и скажете своим подругам, что всё в порядке. Что я просто обсудил с вами эссе. Ничего подозрительного. Ничего тревожного. Вы улыбнётесь им, и вы будете улыбаться до тех пор, пока не останетесь одна. А затем — вы подумаете. Очень хорошо подумаете.

Он открыл дверь лаборатории. Из аудитории донёсся приглушённый гул студенческих голосов. Кира, Аделина, Серена и Ева всё ещё ждали её. Живые. Пока живые.

— И ещё одно, — добавил Фаулер, задержавшись в проёме. — Если вы решите рассказать им правду... если вы решите бежать... если вы попытаетесь обратиться к властям... — Он не закончил фразу. В этом не было необходимости. Экран с четырьмя именами всё ещё све-

тился позади Авроры, и слова «Протокол устранения: ожидает активации» горели на нём, как приговор.

— До завтра, мисс Хиггс. Жду ваше решение в моём кабинете в девять утра. Не опаздывайте.

Он посторонился, пропуская её к выходу. Жест был почти галантным — если забыть, что он только что методично и хладнокровно разрушил её жизнь.

Аврора вышла из лаборатории на ватных ногах. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком — тем же самым, каким закрылась полчаса назад. Полчаса. Всего полчаса прошло с того момента, как она вошла в эту дверь обычной студенткой, которую ждали подруги. А вышла... она сама пока не понимала, кем она вышла. Пешкой. Трофеем. Инкубатором.

В аудитории всё ещё кипела работа — студенты склонились над своими заданиями, обсуждали что-то вполголоса, чертили схемы. Обычная учебная рутина. Аврора окинула взглядом это мирное зрелище, чувствуя себя так, будто смотрит на другую планету. На ту планету, где она жила ещё сегодня утром.

С последнего ряда на неё смотрели четыре пары встревоженных глаз. Кира подалась вперёд, явно готовая вскочить и броситься к ней. Аделина забыла про свою камеру. Серена прижимала ладонь ко рту. Даже Ева отложила книгу и теперь хмурилась с выражением, которое Аврора никогда у неё раньше не видела — беспокойством.

Аврора заставила себя улыбнуться. Это было самое трудное, что она делала в своей жизни — труднее, чем эссе, труднее, чем признаться Фаулеру в том, что она его раскусила. Она растянула губы в улыбке и слегка пожала плечами, посылая подругам молчаливый сигнал: «Всё в порядке. Просто обсуждали эссе».

Кира не поверила. Аврора видела это по её глазам — специалист по профайлингу мгновенно считал фальшь в её мимике. Но Кира была умна. Кира понимала, что если Аврора лжёт здесь и сейчас, значит, у неё есть на это причина. И Кира не стала подавать виду.

Остальные, кажется, выдохнули. Аделина вернулась к камере, Серена опустила руку, Ева снова уткнулась в книгу — но уголком глаза продолжала следить за Аворой.

Фаулер вышел из лаборатории следом, и аудитория мгновенно притихла.

— Время вышло, — объявил он, возвращаясь к своему обычному профессорскому тону. — Сдайте ваши отчёты на кафедру до конца дня. Занятие окончено. — Он бросил короткий взгляд в сторону Авроры, едва заметный кивок.

«До завтра, мисс Хиггс. Девять утра» — и покинул аудиторию тем же плавным, хищным шагом, каким вошёл.

Студенты засобирались, зашумели, загремели стульями. Аврора стояла у своего стола, собирая вещи механическими движениями. Папки с эссе у неё больше не было — она осталась там, в лаборатории. У него. Двадцать страниц. «Похвально», — сказал он. А потом отнял у неё всё.

Кира оказалась рядом первой. Она ничего не спрашивала. Просто встала плечом к плечу и молча помогла застегнуть рюкзак. Аделина, Серена и Ева подошли через секунду, окружая её живым кольцом.

— Идём, — тихо сказала Кира. — Поговорим снаружи.

Они вышли из корпуса Джеффсона молча. Сентябрьский ветер, влажный и порывистый, ударил в лицо, но Аврора почти не почувствовала его. Она шла, глядя прямо перед собой, механически переставляя ноги, и единственное, что удерживало её в реальности — это тепло руки Кире, которая крепко держала её за локоть.

Девушки свернули с главной аллеи на узкую дорожку, ведущую к заброшенной беседке в глубине кампуса. Старое место, увитое диким виноградом, куда редко заглядывали посторонние. Их тайное место. Здесь они в прошлом семестре отмечали день рождения Серены, здесь Аделина снимала свой первый репортаж для кампусного канала, здесь Ева однажды при-

зналась, что боится не смерти, а того, что проживёт жизнь впустую. Хорошие воспоминания, которые теперь казались Авроре кадрами из чужой жизни.

Кира остановилась и развернулась к Авроре. Её синие глаза смотрели прямо, без обиняков.

— Говори, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Он угрожал тебе. Я видела твоё лицо, когда ты вышла.

Аделина, обычно шумная и саркастичная, сейчас молча стояла, прижимая к груди выключенную камеру. Серена нервно теребила свой свисток. Ева прислонилась к деревянному столбу беседки, скрестив руки, и ждала.

Аврора обвела их взглядом — четырёх человек, ради которых она только что согласилась отдать свою жизнь. Или не согласилась? У неё была ночь, чтобы решить. Всего одна ночь.

Она открыла рот, чтобы солгать. Чтобы сказать: «Всё в порядке, он просто был не в духе». Чтобы защитить их — как она обещала себе там, в лаборатории. Но слова не шли. Горло перехватило, и вместо лжи из груди вырвался какой-то странный, сдавленный звук — не то смех, не то всхлип.

— Он знает, — выдохнула она. — Он всё знает. Он знает, почему вы пришли. Он знает, что мы нашли. Он... — она запнулась и закрыла лицо руками. — Господи, девочки, он поставил вас на счётчик. Всех четверых. Если я не соглашусь на его условия, вас убьют к концу недели.

Повисла тишина — густая, звенящая, какая бывает только перед грозой. Первой её нарушила Ева.

— Ну, — произнесла она своим обычным монотонным голосом, — я всегда знала, что умру молодой. Но чтобы из-за профессора-психа с манией величия — такого я не ожидала. Плюс один в копилку абсурдных смертей.

— Ева, заткнись, — резко оборвала её Кира, но без злости. Она взяла Аврору за плечи и заставила поднять голову. — Какие условия? Что он потребовал? Аврора, посмотри на меня. Что он хочет?

Аврора опустила руки. Лицо её было бледным, но глаза оставались сухими. Она ещё не плакала — возможно, слёзы придут позже, когда шок отступит. А сейчас в ней говорил чистый адреналин.

— Он хочет меня, — сказала она ровно. — Не в каком-то... извращённом смысле. Или, может, и в нём тоже. Ему нужна женщина с определённым генетическим профилем, способная выносить ребёнка, заражённого его вирусом. Наследника. Он искал такую два года. И нашёл. Меня.

Аделина тихо ахнула и прижала ладонь ко рту. Серена побледнела так, что её веснушки стали почти чёрными на белой коже. Кира замерла, переваривая услышанное. Ева моргнула — единственный признак того, что она вообще удивлена.

— Он сказал, что я могу отказаться, — продолжала Аврора, и горькая усмешка исказила её губы. — Великодушно предоставил выбор. Если я соглашусь — вы живёте. Если отказываюсь — протокол устранения. Четыре несчастных случая. Четыре исчезновения. Четыре смерти. Я не знаю, блефует ли он. Но после того, что я видела... после его глаз... я не думаю, что он блефует.

— Его глаза? — переспросила Аделина дрожащим голосом.

— Красные. С вертикальными зрачками. Как у ящерицы. Он снял очки. Показал мне. — Аврора обхватила себя руками, словно пытаясь согреться. — Он мутант. Результат эксперимента с каким-то вирусом. Выживший из Пирроу. И он... он не человек. Не в том смысле, в каком мы. Он сильнее, быстрее. И он верит, что вирус — это не проклятие, а дар. Следующая ступень эволюции. И я должна стать... матерью этой следующей ступени.

Кира медленно выдохнула. Её лицо, обычно живое и выразительное, превратилось в маску холодного профессионализма — так она выглядела на экзаменах по профайлингу, когда анализировала особо сложные кейсы.

— Два года поисков, — произнесла она задумчиво. — Редкий генетический профиль. Совместимость. Значит, если ты откажешься, найти замену будет непросто. Это даёт нам время.

— Нам? — Аврора подняла на неё глаза. — Кира, ты что...

— Я сказала «нам», — отрезала Кира. — Ты думаешь, мы позволим тебе жертвовать собой в одиночку? Если он думает, что мы просто четыре студентки, которых можно запугать и списать в расход, — она хищно улыбнулась, — то он сильно ошибается. Мы — студентки MIT. А это значит, что мы чертовски умные, чертовски упрямые и у нас есть доступ к ресурсам, о которых он не подозревает.

Аделина вскинула голову. В её голубых глазах, ещё минуту назад полных ужаса, теперь загорался знакомый опасный огонёк.

— Кира права. Этот ублюдок только что объявил войну не той компании. — Она достала камеру и проверила заряд батареи. — У меня есть кое-какие связи среди старшекурсников с факультета журналистики. И доступ к архивам кампусной сети, который я не совсем законно получила в прошлом семестре. Если он оставил хоть какой-то цифровой след — я его найду.

— У меня есть доступ к базе данных биологических образцов в лабораторном корпусе, — тихо добавила Серена. Её голос дрожал, но она упрямо продолжала: — Я работаю там лаборанткой по вторникам и четвергам. Мы можем... мы можем попытаться понять, что именно он сделал с вирусом. Если он оставлял образцы. Если есть какие-то записи.

— А я могу попробовать взломать его личный терминал, — подала голос Ева. Все повернулись к ней. Она пожала плечами. — Что? Я специализируюсь на кибербезопасности. Вообще-то это моя будущая профессия. И да, это незаконно. Но, как я уже говорила, мы все, возможно, умрём молодыми, так что какая разница?

Аврора переводила взгляд с одной подруги на другую. Ком в горле, который душил её последние полчаса, начал понемногу рассасываться, уступая место чему-то другому. Чему-то, похожему на надежду — робкую, хрупкую, но всё же надежду.

— Девочки... — начала она, но Кира перебила её:

— Никаких «девочки». Мы — команда. Мы справимся. Но сначала, — она обвела всех строгим взглядом, — нам нужен план. И нам нужно убедиться, что он не прослушивает нас прямо сейчас.

— Не прослушивает, — уверенно сказала Ева. — Я проверяла нашу комнату и гостиную на наличие жучков ещё в начале семестра. Паранойя — полезная привычка. А здесь, — она обвела рукой беседку, — здесь даже Wi-Fi не ловит. Мы в безопасности.

— Тогда слушайте, — Кира присела на скамейку и жестом пригласила остальных последовать её примеру. — У нас есть одна ночь и одно утро до девяти часов. За это время мы должны: первое — собрать как можно больше информации о Фаулере и его прошлом. Второе — найти доказательства его связи с «Эгидой» и с событиями в Пирроу. Третье — выяснить, есть ли у нас рычаги давления на него. Потому что шантажировать студентов он умеет, а вот как он отреагирует, если мы пригрозим сдать его корпорации? Он ведь говорил, что работает «втайне от них», верно?

Аврора медленно кивнула.

— Да. Он сказал, что ставит эксперименты над собственным вирусом втайне от «Эгиды». Что его планы — это его личная инициатива.

— Значит, ему есть что скрывать не только от нас, но и от его собственных хозяев, — подытожила Кира. — Это слабое место. И мы в него ударим.

Какое-то время они провели в напряженной тишине, в которой, однако, проблескивало что-то похожее на надежду. Затем Аврора нервно всплеснула руками и со свистом выдохнула сквозь сжатые зубы.

— Это все... безумие. Вы понимаете, что он просто убьет вас? Что бы мы не делали, как бы не копали — это закончится тем, что он просто убьет вас. Он — мутант, сверхчеловек. Он может убрать вас в одиночку, без протоколов и отчетов. А меня он запрет в подземной лаборатории. И все будет бессмысленно. Вы это понимаете? У нас нет времени. Если только... Если только я не соглашусь. Ради вашей безопасности. То, что он планирует делать со мной... — Аврора истерично вздрогнула, — ...займет время. Тесты. Исследование. Попытки... Может, тогда нам удастся разработать хоть какой-то план.

Кира резко встала со скамейки. Её глаза метали молнии.

— Нет, — отрезала она. — Даже не думай. Мы не для того сюда пришли, чтобы ты жертвовала собой, пока мы сидим сложа руки и надеемся на чудо. Ты слышишь меня? — Она схватила Аврору за плечи и встряхнула. — Ты. Не. Пойдешь. К нему. Одна.

— Кира права, — Аделина шагнула вперед, сжимая камеру. — Я понимаю твой порыв, правда. Ты хочешь нас защитить. Но если ты согласишься сейчас, на его условиях — ты исчезнешь. Просто пропадешь. И никто, слышишь, никто не узнает, что с тобой стало. А мы... мы будем жить с этим всю оставшуюся жизнь. Зная, что ты пошла на это из-за нас. Это не жизнь, Аврора. Это приговор.

Серена подошла ближе и взяла Аврору за руку. Её ладонь была тёплой и слегка дрожала, но голос звучал на удивление твёрдо, хотя в карих глазах блестели слезы:

— Мы можем сделать вид, что ты согласна. Купить время — как ты и сказала. Только не ценой твоей... не ценой этого. Мы скажем ему, что ты согласна сотрудничать, но выдвинем встречные условия. Что ты остаёшься жить в общежитии. Что продолжаешь ходить на занятия. Что мы все будем знать, где ты и с кем. Если ты пропадёшь — мы поднимем шум. Такой шум, что даже «Эгида» не сможет его замять.

— И пока ты будешь тянуть время наверху, — подхватила Ева, — мы будем копать внизу. В прямом и переносном смысле. Я уже прикинула, как получить доступ к серверам корпуса Джеффсона. Если он хранит там данные о своих экспериментах — я их найду. И когда у нас будет достаточно компромата, мы сможем диктовать свои условия. Не он — мы.

Аделина вдруг хлопнула в ладоши, заставив всех вздрогнуть.

— Девочки! — Её глаза горели тем самым огнём, который обычно появлялся у неё перед выходом в эфир с сенсационным материалом. — А что, если мы не просто соберём компромат? Что, если мы обнародуем его? Взломаем кампусную сеть и запустим прямую трансляцию на все экраны университета? Представляете заголовки? «Профессор MIT — мутант и агент «Эгиды»? Ему придётся бежать, а не угрожать нам!

— Это слишком рискованно, — покачала головой Кира. — Если мы сделаем это до того, как обеспечим безопасность Авроры, он может... отреагировать непредсказуемо. Нет. Сначала — компромат и гарантии. Потом — всё остальное.

Аврора слушала их, и что-то в груди медленно оттаивало. Они не просто поддерживали её на словах. Они строили план. Настоящий план — дерзкий, опасный и совершенно безумный. Но это был их план. И он был лучше, чем молчаливая капитуляция.

— Ладно, — выдохнула она наконец. — Ладно. Мы попробуем. Но у нас есть всего одна ночь. И завтра в девять утра я должна прийти к нему с каким-то ответом. Если я не приду — он активирует протокол. Если я приду и скажу «нет» — он активирует протокол. Если я попытаюсь сбежать — он активирует протокол. Единственный вариант — прийти и сказать «да». Или... — она запнулась, осенённая внезапной мыслью, — или прийти и сказать «да, но».

Кира склонила голову набок.

— «Да, но»? — переспросила она. — Поясни.

— Я могу согласиться сотрудничать, — медленно проговорила Аврора, выстраивая мысль прямо на ходу, — но на моих условиях. Он учёный. Он понимает язык логики. Если я скажу ему: «Профессор Фаулер, я согласна участвовать в вашем проекте, но как учёный, а не как лабораторная мышь», — он выслушает. Ему нужны мои гены, но ещё больше ему нужно, чтобы я была... функциональна. Чтобы эксперимент удался. А для этого мне нужно сохранять психическую стабильность, физическое здоровье и доступ к нормальной жизни. Если он запретит меня в подземной лаборатории, я начну чахнуть. Стресс повлияет на гормональный фон. А это, — она криво усмехнулась, — плохо скажется на репродуктивной функции.

Ева присвистнула.

— Хиггс, ты сейчас серьёзно предлагаешь торговаться с мутантом-психопатом о условиях своего заточения?

— Именно, — кивнула Аврора. — Потому что он не просто психопат. Он перфекционист. Если он два года искал «идеальную кандидатку», он не станет рисковать результатом из-за дурацкой спешки. А значит — я могу выторговать время. Время, которое нужно вам.

Кира задумчиво постучала пальцами по подбородку.

— Логично, — признала она. — Более того, если ты будешь вести переговоры, а не просто сдаваться, это собьёт его с толку. Он привык, что все перед ним дрожат. А тут студентка, которая выдвигает встречные условия. Это... необычно. Его это заинтригует.

— Значит, таков наш план на завтра, — подытожила Аделина. — Аврора идёт к нему и играет роль «согласной, но с условиями». Выторговывает себе свободу передвижения, право жить в общежитии и всё такое. А мы тем временем начинаем копать. Серена — биологические образцы и лабораторные записи. Ева — взлом серверов. Я — архивы и поиск информации о его прошлом. Кира...

— А я займусь профайлингом, — кивнула Кира. — Составлю подробный психологический портрет этого урода. Пойму, на какие кнопки давить, если дойдёт до конфронтации. И ещё — я свяжусь с одним человеком. Моим преподавателем по криминалистике. Он раньше работал в ФБР, и он терпеть не может «Эгиду». Возможно, он сможет нам помочь, если ситуация выйдет из-под контроля.

Серена тихо кашлянула.

— Девочки... а вы понимаете, что мы сейчас планируем операцию против человека, который буквально может голыми руками проломить стену? Я не говорю, что мы не должны этого делать. Я просто хочу убедиться, что все осознают, с кем мы имеем дело.

— Осознаём, — серьёзно ответила Кира. — Но у нас нет выбора. Это либо мы его остановим, либо он уничтожит Аврору. А потом, возможно, и не только её. Вы слышали его философию про эволюцию. Он не остановится на одном ребёнке. Он хочет изменить всё человечество.

— Тогда не будем терять времени, — Ева поднялась со скамейки и поправила лямку рюкзака. — Возвращаемся в общежитие, берём ноутбуки, и начинаем работать. Ночь будет долгой. Кофе у нас достаточно?

— Кофе — это по моей части, — подала голос Серена, вставая со скамейки и отряхивая юбку от налипших листьев. — Я купила на прошлой неделе отличный колумбийский. Плюс у меня есть плитка тёмного шоколада и печенье. Для мозговой активности — самое то.

— А я достану свои записи по криптографии, — добавила Ева. — Если серверы корпуса Джеффсона защищены так же, как остальная сеть кампуса, мне понадобится часа три, не больше. Если сложнее — до утра. Но я справлюсь.

— Тогда выдвигаемся. — Кира по привычке обвела взглядом всю команду, как делала перед каждым важным решением. — И помните: мы не знаем, насколько далеко простираются его связи. Поэтому — никаких разговоров по телефону. Никаких сообщений в мессенджерах. Всё обсуждаем только лично. И держимся вместе.

Девушки одна за другой кивнули. План, который они набросали в этой старой беседке, был отчаянным и рискованным. Но это было лучше, чем сидеть сложа руки и ждать, пока Фаулер методично разрушит их жизни поодиночке.

Путь обратно к общежитию занял всего десять минут. Кампус уже опустел — большинство студентов разошлись по корпусам, кто-то сидел в библиотеке, кто-то готовился к завтрашним семинарам. Осеннее небо наливалось свинцовой тяжестью, обещая дождь. Ветер трепал длинные волосы Авроры, и она машинально заправила прядь за ухо, глядя на освещённые окна их маленького двухэтажного дома.

Их дома. Их крепости.

Внутри было тепло и пахло вчерашней пиццей. Аделина сразу направилась к своему ноутбуку, на ходу развязывая шнурки кроссовок. Серена скрылась на кухне, и вскоре оттуда донёсся уютный шум кофемашины. Ева поднялась в свою комнату за оборудованием — у неё был отдельный защищённый ноутбук для «особых проектов», о существовании которого знали только свои. Кира остановилась у окна гостиной, глядя на тёмный силуэт корпуса Джеффсона, возвышавшийся на холме.

— Знаешь, — тихо сказала она Авроре, которая стояла рядом, — когда я поступала на криминалистику, я думала, что самые опасные преступники, с которыми я столкнусь — это наркоторговцы и серийные взломщики. А тут... генетически модифицированный суперсолдат из секретной корпорации, который хочет завести ребёнка от моей подруги.

— Прости, что втянула вас в это, — так же тихо ответила Аврора. — Если бы я не полезла в те списки...

— Если бы ты не полезла в те списки, — перебила её Кира, — мы бы ничего не узнали, пока не стало бы слишком поздно. Ты не втянула нас. Ты дала нам шанс бороться. — Она повернулась и посмотрела Авроре прямо в глаза. — И мы будем бороться. Все вместе.

Глава 3: Форум

Через полчаса гостиная их маленького общежития превратилась в штаб чрезвычайной операции. Журнальный столик был завален ноутбуками, проводами, распечатками и пустыми кружками из-под кофе. Серена расставила по углам комнаты несколько горшков с растениями — «для концентрации и очищения воздуха», как она выразилась, хотя Аврора подозревала, что подруге просто нужно было чем-то занять руки, чтобы унять дрожь.

Ева сидела в углу дивана, скрестив ноги, и её пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, что Аврора едва успевала следить за мельканием символов на экране. Рядом с ней стояла открытая банка энергетика — уже вторая за вечер.

— Так, — произнесла Ева, не отрываясь от экрана, — серверы корпуса Джеффсона. Первый уровень защиты я уже прошла. Это стандартный университетский файрвол, ничего интересного. Но дальше... — она присвистнула, — дальше начинается что-то другое. Шифрование военного уровня. Такого нет даже на серверах администрации.

— Значит, там точно есть что-то важное, — отозвалась Кира. Она сидела за обеденным столом, разложив перед собой несколько листов бумаги, на которых чертила какие-то схемы и диаграммы — психологический профиль Фаулера обретал форму. — Что насчёт архивов, Ада?

Аделина оторвалась от ноутбука. Её лицо, обычно такое живое и задорное, сейчас было сосредоточенным и хмурым.

— Я ищу по всем доступным базам данных. Газетные архивы Пирроу, оцифрованные полицейские отчёты, даже старые сканы корпоративных бюллетеней «Эгиды». — Она покачала головой. — Информации о Фаулере почти нет. Как будто кто-то очень тщательно подчистил его биографию. Но есть кое-что странное.

Она развернула ноутбук экраном к остальным.

— Вот. Полицейский отчёт за 1998 год, за несколько месяцев до катастрофы. В нём упоминается отряд Н.А.Р.Р., отделение «Альфа», и их командир — капитан Виктор Фаулер. Но смотрите: в отчёте говорится о расследовании странных убийств в Блэквудских горах. Убийств, похожих на нападения диких животных. А через месяц — вспышка в особняке, где находилась секретная лаборатория «Эгиды». И сразу после этого — Пирроу.

— Значит, он был там с самого начала, — медленно произнесла Кира. — Он знал о вирусе ещё до катастрофы. Возможно, даже участвовал в его создании.

— Он не просто участвовал, — тихо сказала Аврора. — Он был одним из ведущих исследователей. Он сам мне это сказал, когда... когда показывал глаза. Вирус, который должен был убить его, вместо этого сделал его сверхчеловеком. И теперь он хочет повторить этот эксперимент. Только уже на добровольной основе. На мне.

— Никакой «добровольной основы», — отрезала Кира. — Шантаж — это не добровольность. Это принуждение. И когда мы закончим, у нас будут доказательства, чтобы обвинить его во всём — от похищения до преступлений против человечности.

— Это все ещё самоубийство... Даже если мы сможем собрать достаточно доказательств, даже если успеем обнаружить их — а это будет сложнее всего, потому что к моменту, когда он поймёт, что мы под него копаем, мы все будем мертвы. Я разговаривала с ним наедине. И хоть я не профайлер, я с уверенностью могу сказать — он считает себя вершиной эволюции. Он ставит себя выше морали, этики, закона и чего бы там еще не было. Он мнит себя богом — и мы все лишь жалкие пешки в его игре.

Голос Авроры все еще был тихим, дрожащим, будто она только начала осознавать масштаб проблемы. И данные ее не обнадеживали, ни как ученую, ни как человека. Ее выбрало существо с алыми глазами и сверхчеловеческими рефлексам, и оно уже считало ее своей соб-

ственностью. Дракон, которому пожертвовали деву. Аврора горько усмехнулась с собственной фэнтезийной аналогии.

— Единственное, что мы реально можем — это только уповать на то, что его слова «собственный вирус» действительно не метафора, а сокрытие эксперимента от его хозяев. И что они будут очень, очень недовольны этой самоволкой.

В комнате повисла тяжёлая пауза. Слова Авроры, горькие и отрезвляющие, словно вылили ушат холодной воды на тот воодушевлённый настрой, который только начал зарождаться. Серена замерла с кофейником в руке, Ева перестала печатать, Аделина опустила взгляд на свои руки.

Кира долго смотрела на Аврору, а затем медленно кивнула.

— Ты права. — Её голос звучал спокойно, но в нём слышалась сталь. — Ты абсолютно права. Если мы попытаемся пойти на него в любовую — мы проиграем. Он быстрее, сильнее, и у него нет моральных ограничений. Но ты сама назвала наше главное оружие, Аврора. «Эгида».

Она взяла со стола один из листов — тот, где чертила психологический профиль, — и обвела ручкой жирный пункт внизу.

— Смотри. Из того, что ты рассказала, и из того, что мы нашли: Фаулер работает на «Эгиду» под прикрытием. Университет — их база. Но при этом он ведёт собственные эксперименты втайне от корпорации. Это значит, что он не просто служащий — он предатель внутри организации. Он использует их ресурсы для своих целей. И если «Эгида» узнает об этом... что они сделают?

— Они убьют его, — ответила Ева, не отрываясь от кода на экране. — Крупные корпорации не прощают самостоятельности. Особенно когда речь идёт о таких активах, как вирус. Если он действительно скрывает от них свой проект — его ликвидируют без колебаний.

— Именно! — Кира хлопнула ладонью по столу. — Значит, наша задача — не просто собрать компромат. Наша задача — передать его тем, кто заинтересован в устранении Фаулера больше, чем мы. Тому самому «очень недовольному» руководству.

Аделина подняла голову, и в её глазах снова зажёгся тот опасный журналистский огонёк.

— То есть мы не публикуем информацию. Мы сливаем её. Точечно. «Эгиде». Анонимно, разумеется.

— Рискованно, — произнесла Серена, ставя кофейник на стол. — Как мы выйдем на связь с корпорацией, которая десятилетиями скрывает своё существование? У них нет публичной приёмной. И даже если мы их найдём — они могут решить убрать и нас заодно. Как свидетелей.

— Значит, нужно сделать так, чтобы они не захотели нас убирать, — Кира задумчиво постучала ручкой по столу. — Нужно показать им, что мы ценнее как союзники, чем как мишени. Или что информация уже настроена на автопубликацию в случае нашей смерти. Ева, ты сможешь настроить что-то такое?

Ева наконец оторвалась от экрана и посмотрела на подруг. Её тёмные глаза блеснули в свете лампы.

— Мёртвый переключатель, — произнесла она. — Dead man's switch. Система, которая автоматически рассылает заготовленные сообщения, если я не ввожу пароль каждые, скажем, двенадцать часов. Настроить можно. Я уже думала об этом, когда возилась с серверами. Если мы соберём пакет данных и привяжем его к такой системе — любая попытка нас убрать приведёт к тому, что информация уйдёт в сеть. Всем. Одновременно.

— Значит, сначала мы собираем доказательства, — подвела черту Кира. — Потом готовим мёртвый переключатель. Затем находим способ связаться с «Эгидой» и сообщаем им, что у нас есть информация о предательстве их сотрудника. И что в случае нашей смерти эта информация станет публичной. Это даст нам рычаг давления не только на Фаулера, но и на саму корпорацию.

В комнате повисла напряжённая, но уже не безнадёжная тишина. Каждая из девушек обдумывала слова Киры, прокручивая в голове возможные сценарии. План был дерзким, почти безрассудным, но в нём появился тот самый стержень, которого не хватало раньше — реальная, достижимая цель. Не просто «собрать компромат», а использовать его против врага чужими руками.

— Мне нравится, — нарушила молчание Аделина. — То есть, не нравится в смысле «ура, мы в смертельной опасности», а нравится в смысле «у нас есть стратегия». Мы не просто жертвы. Мы — охотники, которые заманивают добычу в ловушку.

— Мы скорее загонщики, которые натравливают крупного хищника на ещё более крупного, — поправила Ева. — Но суть та же. Я смогу настроить мёртвый переключатель. Мне нужно часа три-четыре, и доступ к облачному серверу, который не привязан к университетской сети. На случай, если Фаулер попытается обрубить нам интернет.

— У меня есть аккаунт на независимом хостинге, — предложила Серена. — Я использовала его для хранения своих ботанических иллюстраций. Никто не знает, что он мой. Можем использовать его.

— Отлично. — Кира удовлетворённо кивнула. — Значит, распределяем задачи. Ева — взлом серверов Джеффсона и настройка мёртвого переключателя. Аделина — поиск информации о прошлом Фаулера и его связи с «Эгидой». Серена — доступ к лабораторным образцам и биологическим данным. Я — психологический профиль, контакты с преподавателем из ФБР и подготовка текста для связи с «Эгидой». И Аврора...

Все посмотрели на блондинку.

— Ты — наш фронтмен завтра, — закончила Кира. — Твоя задача — пойти к нему в девять утра и выторговать время. Согласие с условиями. Мы должны знать, как долго он планирует тебя... удерживать. Когда начнутся первые тесты. Где они будут проходить. Любая информация, которую ты сможешь добыть из разговора с ним — всё пойдёт в дело.

Аврора медленно кивнула, сжимая в руках кружку с остывшим кофе.

— Я смогу, — сказала она, и в её голосе впервые за вечер прозвучала настоящая уверенность. — Я не знаю, насколько хорошо у меня получится играть. Но я смогу. Ради нас. Ради всех нас.

Аделина встала с дивана и обняла Аврору — крепко, порывисто, как умела только она.

— Ты справишься, Хиггс. Ты самый упрямый человек из всех, кого я знаю. Если кто и может заболтать мутанта-суперсолдата — так это ты.

Серена улыбнулась — впервые за вечер по-настоящему, — и подняла свой кофе.

— Тогда давайте выпьем за успех. Завтра начинается война. Но сегодня мы ещё здесь, мы вместе, и у нас есть план. По-моему, это стоит отметить.

Они действительно выпили за успех — кофе и энергетики, никому не хотелось завтра выходить на противостояние с мутантом-суперсолдатом с похмелья. Аврора ещё какое-то время провела в окружении подруг, а потом поднялась в их с Аделиной комнату, сославшись на желание выспаться перед разговором. Разговор... предстоял тяжелый. Аврора подошла к шкафу, сняла одежду, достала пижаму. Легла в постель, но сон не шел — в голове то и дело прокручивались события прошедшего дня. Лекция, холод, запах опасности и озона... И эти жуткие алые глаза.

Ультиматум. Рождение его наследника, или смерть подруг.

Аврора всхлипнула в тишине от злости и отчаяния. Это... было нечестно. Почему она? Почему ее дурацкая генетика? Она была всего лишь студенткой из другого штата, выросшей без матери. Да, может чуть умнее и эмпатичнее своих сверстников. Да, она обладала странной интуицией. Но это не делало ее какой-то... особенной. Аврора со злости ткнула кулаком подушку. Спать не получится в ближайшие часы.

Она села, открыла свой ноутбук, и стала думать. Проверила поисковые запросы, которые вывели ее на статьи и списки из Пирроу. Пусто. Ничего. Он и правда дал ей доступ на время, которое потребовалось для заманивая в свою ловушку. Но у Авроры все еще был скриншот — хоть какая-то улика.

Девушка начала думать о ситуации с другой стороны.

Вместе с вирусологией она интересовалась мистицизмом и оккультизмом, и эта вся история ей что-то напоминала...

— *Magnum Opus*. Великое делание... — выдохнула она, задрожав. Интуиция ей подсказывала, что она что-то нащупала. Может, не прямой источник доказательной базы — но хотя бы понимание хода его мыслей. Трансмутация. Алхимия. Бессмертие. Пальцы Авроры застучали над клавиатурой. Может, он оставил где-то свой след, в каких-то оккультных группировках, местах с сектантами, хоть что-то.

Аделина тихо посапывала на своей кровати — она умела засыпать в любой ситуации, даже перед лицом смертельной опасности. Аврора завидовала этой способности. Её собственная голова гудела от мыслей, и сон, такой желанный ещё час назад, теперь казался недостижимой роскошью.

Она сидела в кровати, скрестив ноги, с ноутбуком на коленях. Экран отбрасывал бледный свет на её лицо, делая его похожим на призрачную маску. Пальцы бесшумно скользили по клавиатуре.

Magnum Opus. Великое Делание.

Оккультные науки были её тайной страстью — тем, о чём она редко говорила даже с подругами. Не потому, что стеснялась, а потому что трудно объяснить рациональному человеку, зачем будущему вирусологу изучать средневековые трактаты по алхимии. Но сейчас эти знания, собранные за годы любительского интереса, начали складываться в пугающую картину.

Она открыла одну из закладок — закрытый форум «*Augum Potabile*», посвящённый эзотерическим исследованиям. Сообщество было небольшим, но на удивление серьёзным — никаких подростков с картами Таро, только академические дискуссии о символизме, истории и практическом применении алхимических принципов. Аврора зарегистрировалась там два года назад под псевдонимом «*Lilith_Ashes*» и с тех пор иногда участвовала в обсуждениях.

Форум имел закрытый раздел — «Практикующие», доступ к которому открывался только после личного собеседования с модераторами. Аврора никогда туда не стремилась — её интерес был чисто теоретическим. Но сейчас она вспомнила кое-что. Около года назад один из пользователей форума, некто с ником «*Ambisphena_Prime*», опубликовал в открытом разделе пост, который тогда показался ей просто любопытной философской спекуляцией.

Она нашла его в архиве.

Тема: Трансмутация через биологический агент — теоретическая модель
Автор: *Ambisphena_Prime*

*«Алхимики древности искали философский камень — субстанцию, способную превращать неблагородные металлы в золото и дарующую бессмертие. Но что, если философский камень — это не минерал, а вирус? Биологический агент, который перестраивает структуру ДНК, трансмутируя саму природу организма. Свинец человеческой плоти — в золото сверхчеловека. * А-принцип: трансмутационный вектор, активирующий спящие участки генома. Проблема в стабильности — большинство субъектов не выдерживают перестройки. Но если найти правильного носителя... правильную генетическую основу... *Magnum Opus* станет реальностью. Не камень. Вирус. И его создатель станет первым адептом новой эры».*

У Авроры пересохло во рту. Она прокрутила страницу вниз. Пост был подписан. В самом низу, мелким шрифтом, стояла подпись, которую она не заметила год назад:

«Ф.В.А»

Инициалы. Всего три буквы. Но в голове Авроры они мгновенно сложились в имя: Фаулер. Виктор. Но что значит «А»?...

Её пальцы зависли над клавиатурой. Она открыла профиль Ambisphena_Prime. Пустой. Никакой личной информации. Последняя активность — восемь месяцев назад. Но IP-адрес, с которого был сделан пост...

Аврора не была хакером, как Ева. Но она знала, как посмотреть базовую информацию. IP-адрес вел в Миссури. В MIT. В корпус Джеффсона.

— Господи, — прошептала она. — Он здесь. Он всё это время был здесь.

Она быстро сделала скриншоты — пост, профиль, данные. Затем, колебавшись секунду, открыла личные сообщения форума. Если Ambisphena_Prime — это Фаулер, и если он всё ещё проверяет этот аккаунт... может, она сможет что-то выведать? Или это самоубийственная идея?

Аврора задумалась. Что если это действительно он? Что ей сказать? Воззвать к совести? Угрожать? Рассказать, что она пойдет к его хозяевам? Бред. Аврора смотрела на пустое окно переписки и ее внезапно осенила такая пугающая идея, до которой додуматься мог бы сумасшедший. Что если...

— Что если предложить ему другую? Не меня?... — тихо прошептала она сама себе, поражаясь собственной... ну если не гениальности, то полным отсутствием самосохранения.

Прежде чем начать набирать сообщение, Аврора настроила прокси и туннелирование (спасибо Еве и ее хакерским урокам), а потом принялась формировать черновик. План был простой — притвориться, что она искреннее заинтересована в его теории, что она сама — ученый, практикующий подобные опыты. И что она сама — идеальный кандидат, который экспериментирует над собой же, в попытке стать сверхчеловеком. Сообщение должно быть написано сухим, профессиональным языком, с терминами, понятными только ему и тем, кто в этом разбирается. А Аврора... разбиралась. Не зря же она была лучшей студенткой. Хотя и всего лишь второго курса.

— Bravo, Хиггс. План «наебать супермутанта» в действии. — мрачно сказала себе девушка и напечатала первое слово.

Пальцы Авроры зависли над клавиатурой. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове билась одна мысль: «Если он поймёт, кто я — всё кончено. Он не простит мне этого. Никогда». Но отступать было поздно. План, каким бы безумным он ни был, уже начал обретать форму.

Тема: Re: Трансмутация через биологический агент — практические результаты
От: Lilith_Ashes **Кому: Ambisphena_Prime**

«Уважаемый коллега,

Год назад я прочитала ваш пост о Т-принципе и трансмутационном векторе. Должна признать — это одна из немногих работ на данном форуме, которая демонстрирует не только теоретическую подготовку, но и, осмелюсь предположить, практический опыт. Ваши выводы о нестабильности трансмутации и необходимости поиска совместимого генетического базиса полностью совпадают с моими собственными наблюдениями.

Я пишу вам, потому что нахожусь на завершающей стадии собственного эксперимента. Последние три года я работала над созданием стабильного ретровирусного вектора, способного активировать спящие участки генома без запуска апоптоза. Моя методология отличается от вашей — я использовала лентивирусную основу с модифицированным гликопротеиновым конвертом, — но цель, полагаю, у нас одна.

Magnit Opus. Философский камень в форме вируса.

Я пишу вам не ради праздного обсуждения. Мне удалось достичь частичного успеха. Мой последний прототип, обозначенный как Штамм-L, показал 47-процентную эффективность трансмутации in vivo. Проблема в том, что я исчерпала доступные мне ресурсы для продол-

жения исследований. Мне нужен партнёр. Кто-то, кто понимает, что мы делаем. Кто-то, кто не боится зайти дальше допустимого.

Если вы всё ещё проверяете этот аккаунт — я бы хотела обсудить возможность сотрудничества. Разумеется, на условиях полной анонимности до тех пор, пока обе стороны не будут уверены в... взаимной выгоде.

С уважением, L.A.»

Аврора перечитала сообщение трижды. Тон был выдержан идеально — холодный, профессиональный, с той самой смесью научного высокомерия и одержимости, которую она слышала в голосе Фаулера на каждой лекции. Термины она подбирала тщательно — достаточно специфические, чтобы звучать убедительно, но без деталей, которые выдавали бы в ней студентку-второкурсницу. Лентивирусная основа. Модифицированный гликопротеиновый конверт. Штамм-L — она придумала это название на ходу, от балды. 47 процентов — цифра, которая звучала достаточно реалистично, чтобы быть правдой, и достаточно впечатляюще, чтобы заинтересовать такого человека, как он.

Если он клюнет — у неё появится ещё один канал информации. Ещё один способ понять его планы. И, возможно, ещё один рычаг давления.

Если он поймёт, что это ловушка...

Аврора зажмурилась и нажала «Отправить».

Экран мигнул. Сообщение ушло. Обратного пути не было.

Глава 4: Договор

Аврора закрыла ноутбук и откинулась на подушку. Сердце всё ещё колотилось как бешеное, но странное чувство — смесь ужаса и мрачного удовлетворения — постепенно разливалось по телу. Она сделала это. Она только что влезла в логово зверя, прикинувшись одним из его вида. Если Фаулер клюнет — у неё появится рычаг, о котором он даже не подозревает. Если нет... что ж, хуже уже не будет.

Она взглянула на часы. Половина третьего ночи. До встречи с Фаулером оставалось меньше семи часов, и ей нужно было хотя бы попытаться уснуть. Завтрашний разговор потребует от неё ясного ума и стальных нервов. Она выключила лампу, натянула одеяло до подбородка и устала в темноту.

Сон пришёл неожиданно — глубокий, чёрный, без сновидений. Организм, истощённый стрессом, взял своё, и Аврора провалилась в забытие, словно в омут.

Разбудил её звон будильника. Семь утра. Серое сентябрьское небо сочилось дождём за окном. Аделина уже не спала — она сидела за своим столом, полностью одетая, и что-то сосредоточенно печатала на ноутбуке. Увидев, что Аврора проснулась, она обернулась и улыбнулась — чуть напряжённо, но всё равно тепло.

— Доброе утро, Хиггс. Внизу тебя ждёт завтрак. Серена расстаралась — омлет, тосты, свежесжатый апельсиновый сок. Прямо как в ресторане. Говорит, что героиням перед битвой положено хорошо питаться.

Аврора села на кровати, потягиваясь. Мышцы ныли — она не заметила, как напрягалась во сне.

— Героиням, — повторила она с кривой усмешкой. — Звучит так, будто я иду на смертный бой.

— Ну, технически так и есть, — Аделина пожала плечами. — Просто твой меч — это язык, а твой щит — наша безумная команда поддержки. Кстати, Ева всю ночь не спала. Говорит, что прошла второй уровень шифрования на серверах Джеффсона. Нашла там кое-что интересное. Расскажет за завтраком.

Аврора спустилась в гостиную через десять минут — умытая, одетая в ту же твидовую юбку и свитер, что и вчера. Волосы она собрала в высокий хвост — меньше шансов, что нервные пальцы начнут теребить пряди. На столе действительно ждал королевский завтрак: пышный омлет с зеленью, хрустящие тосты, масло, джем и высокий стакан апельсинового сока. Серена стояла у плиты, переворачивая последнюю порцию омлета на тарелку.

— Садись, — скомандовала она. — Тебе нужны силы.

Ева уже сидела за столом, обхватив ладонями кружку с кофе. Под её глазами залегли тёмные круги, но во взгляде читалось мрачное удовлетворение.

— Пока ты спала, — начала она, — я вскрыла кое-что на серверах корпуса Джеффсона. Это не просто лабораторные записи. Это целая база данных. Проект под кодовым названием «Амбисфена».

Кира, сидевшая напротив, подалась вперёд.

— Амбисфена? Двухголовая змея?

— Он самый, — кивнула Ева. — Алхимический символ двойственности и цикличности. Фаулер использует его как название для своего вируса. И судя по тому, что я нашла... он работает над ним уже много лет. С того самого дня, как выжил в Пирроу. Амбисфена — это не просто мутация. Это... полная перестройка организма на клеточном уровне. Он хочет создать расу сверхлюдей. И себя в роли их бога.

Аврора медленно опустилась на стул. Аппетит пропал мгновенно, но она заставила себя взять тост — просто чтобы чем-то занять руки.

— Амбисфена, — повторила она, глядя в одну точку. — Алхимический символ цикличности, вечного возвращения, единства противоположностей. Жизнь через смерть. Трансмутация через разрушение. — Она горько усмехнулась. — Всё сходится. Он мыслит не как вирусолог. Он мыслит как алхимик.

— Погоди, — Аделина нахмурилась, ставя на стол чашку с кофе, — ты хочешь сказать, что этот мутант с манией величия вдохновляется средневековыми трактатами?

— Не вдохновляется. Он их реализует. — Аврора подняла глаза на подруг. — Я кое-что нашла ночью. На оккультном форуме, в котором состою уже два года. Год назад пользователь с ником Ambisphena_Prime опубликовал пост о трансмутации через биологический агент. А-принцип. Философский камень в форме вируса. IP-адрес вёл в наш кампус. В корпус Джеффсона.

Кира присвистнула. Ева отставила кружку и уставилась на Аврору с выражением, близким к восхищению.

— И ты молчала?

— Не молчала. Я ему написала. — Аврора выдержала паузу, наблюдая, как лица подруг одна за другой вытягиваются от удивления. — Под своим форумным псевдонимом. Прикинулась независимым исследователем, который достиг «частичного успеха» в аналогичном эксперименте. Предложила сотрудничество.

— Ты... что? — Кира отложила ручку. — Аврора, ты в своём уме? Если он вычислит, что это ты...

— Если он вычислит, — перебила её Ева задумчиво, — это станет очевидно только при личной встрече. А до тех пор у нас есть преимущество. Мы знаем, кто он. Он не знает, кто мы.

— Именно, — кивнула Аврора. — Если он клюнет — я смогу выведать у него информацию под видом «коллеги». Если не клюнет — мы ничего не теряем.

Кира хотела возразить, но Ева подняла руку, останавливая её.

— Вообще-то, это может сработать. У меня ушло несколько часов, чтобы пробить его шифрование. Он параноик, но его паранойя направлена на внешний мир — корпорацию, власти, конкурентов. Виртуальный собеседник, разделяющий его идеи и находящийся «где-то там» — это именно то, на что он может клюнуть. Ему ведь одиноко.

— Одиноко? — переспросила Серена. — Ты серьёзно? Ему?

— Он считает себя единственным в своём роде, — пояснила Ева. — Сверхчеловек, окружённый низшими существами. Два года поисков «идеальной кандидатки». Посты на форумах для посвящённых. Это крик одиночества, просто в извращённой форме. Он хочет быть понятым. Хочет, чтобы кто-то разделял его видение. И Аврора только что дала ему именно это.

— Остается только надеяться, что он не потребует личной встречи после этой шедевральной переписки, и не явится на нее с букетом из шипящих змей... — мрачно съязвила Аврора, и отхлебнула кофе. Но в глубине души она уже чувствовала — гордость. Разносторонние знания оказываются полезными, даже в таких специфичных областях, как оккультизм и алхимия.

— Вообще, я надеюсь, что он, ну... переключится. Зачем ему перепуганная студентка, согласившаяся сотрудничать под угрозами, если где-то там есть человек, который искренне его понимает и поддерживает? Если бы я была на его месте, я бы точно клюнула и, ну... Если бы не перенаправила ресурс, то хотя бы снизила давление и... усердие, которое он прилагает ко мне, как к подопытному образцу.

Кира мрачно усмехнулась, делая пометку в своём блокноте.

— Хорошая мысль. Создать конкуренцию за его внимание. Заставить его думать, что есть другой вариант — возможно, даже более перспективный, чем ты. — Она подняла глаза на Аврору. — Это может выиграть нам время. Но только если он действительно клюнет.

— Клюнет, — уверенно сказала Ева, постукивая пальцами по клавиатуре. — Я знаю этот тип людей. Они не могут устоять перед загадками. Особенно перед загадками, которые говорят

на их языке. А ты, Хиггс, говоришь на его языке. Это пугает, кстати. Ты точно не планируешь стать следующим суперзлодеем?

— Я планирую пережить этот семестр, — сухо ответила Аврора. — И защитить всех вас. Если для этого нужно притвориться сумасшедшим учёным-алхимиком — я притворюсь.

Серена тихо кашлянула, привлекая внимание.

— Девочки, я не хочу прерывать стратегическое совещание, но... — она кивнула на часы на стене. — Без пятнадцати девять. Аврора, тебе пора.

В гостиной мгновенно воцарилась тишина. Все взгляды обратились к блондинке. Аврора медленно поставила чашку на стол, чувствуя, как внутри что-то сжимается в тугий узел.

— Да, — тихо сказала она, поднимаясь. — Пора.

Кира встала и подошла к ней. Положила руки на плечи, заглянула в глаза.

— Помни: ты идёшь не просить пощады. Ты идёшь договариваться. Ты — учёный, который рассматривает предложение. Не жертва. Не пешка. Ты — равный партнёр в переговорах. Держи эту роль, что бы он ни говорил.

— И не забывай про условия, — добавила Аделина. — Свобода передвижения. Проживание в общежитии. Продолжение учёбы. Если он хочет сотрудничества — пусть докажет, что он разумный человек, а не пещерный тиран.

— А если он снова начнёт угрожать... — начала Серена.

— Пошли его к чёрту, — закончила за неё Ева. — В вежливой форме, разумеется.

Аврора слабо улыбнулась. Они пытались её подбодрить, и это работало — по крайней мере, узел внутри перестал затягиваться.

— Я вернусь, — сказала она, и это прозвучало как обещание. — С информацией. И с договорённостями. Ждите меня здесь.

Она накинула пиджак, взяла сумку и вышла за дверь. Сентябрьский дождь встретил её холодными каплями, но она почти не замечала их. Её мысли были уже там — в кабинете на третьем этаже корпуса Джеффсона, где её ждал человек с алыми глазами.

Дождь усилился. Аврора шла по пустынным аллеям кампуса, чувствуя, как холодные капли стекают по волосам и за воротник пиджака. Она не взяла зонт — не подумала, да и какая разница? Промокшая одежда сейчас была наименьшей из её проблем.

Корпус Джеффсона возвышался впереди, окутанный серой пеленой дождя. Его неоготические шпили пронзали низкое небо, и в этом утреннем полумраке здание выглядело ещё более зловеще, чем обычно. Аврора подумала, что оно похоже на замок из готического романа — обитель древнего зла, которое лишь притворяется респектабельным учебным заведением.

Она вошла через главные двери. В вестибюле было пусто и гулко. Её шаги эхом разносились под высокими сводами, пока она поднималась по лестнице на третий этаж. Кабинет Фаулера находился в дальнем конце коридора, рядом с той самой лабораторией, где вчера разбилась на осколки её прежняя жизнь.

Дверь была приоткрыта. Изнутри падал холодный свет люминесцентных ламп.

Аврора остановилась на пороге и глубоко вздохнула. Она вспомнила слова Киры: «Ты — равный партнёр в переговорах. Не жертва». Она расправила плечи, подняла подбородок и постучала — два коротких, чётких удара.

— Войдите, мисс Хиггс. — Голос Фаулера звучал ровно, почти доброжелательно. — Вы пунктуальны. Приятное качество.

Она толкнула дверь и вошла. Кабинет был обставлен с аскетичной элегантностью: тёмное дерево, книжные полки до потолка, заставленные томами по вирусологии, генетике и — Аврора успела заметить — несколькими старинными фолиантами в кожаных переплётах. Алхимические трактаты? Она не удивилась бы.

Фаулер стоял у окна, спиной к ней, глядя на дождь. Его светлые волосы были безупречно зачёсаны назад, чёрный костюм сидел идеально. Когда он повернулся, Аврора снова увидела эти непроницаемые чёрные стёкла.

— Присаживайтесь, — он указал на стул напротив своего стола. — Нам многое нужно обсудить. Я полагаю, вы обдумали моё предложение?

Аврора опустилась на стул, стараясь, чтобы движения были плавными и уверенными. Никакой дрожи. Никакой суетливости. Она — учёный на переговорах, а не загнанная в угол жертва.

— Обдумала, профессор, — ответила она, положив сумку на колени. Её голос звучал ровно, почти спокойно. — И, прежде чем я дам ответ, я бы хотела кое-что прояснить.

Фаулер чуть склонил голову — жест, который можно было принять за любопытство.

— Слушаю.

— Вчера вы поставили меня перед выбором, который выбором не является. — Аврора смотрела прямо в чёрные стёкла его очков. — Либо я соглашаюсь стать частью вашего эксперимента, либо погибают мои подруги. Это не выбор. Это шантаж.

— Я предпочитаю термин «стимул», — произнёс он с тенью улыбки.

— Называйте как хотите. Суть остаётся прежней: моё согласие, добытое под угрозой убийства, — это не добровольное сотрудничество. Это принуждение. — Аврора подалась вперёд, сцепляя пальцы на коленях. — Но вы умный человек, профессор. Вы должны понимать, что здоровье репродуктивной системы напрямую зависит от психологического состояния. Стресс. Депрессия. Хронический страх. Всё это влияет на гормональный фон. На овуляцию. На способность выносить плод.

Фаулер молчал, и она восприняла это как разрешение продолжать.

— Если вы запрете меня в подземной лаборатории, если отрежете от моих друзей и нормальной жизни, если превратите в лабораторную мышь — я начну чахнуть. Это медицинский факт. И ваш «идеальный кандидат» превратится в истощённый, нестабильный организм, который с высокой вероятностью не сможет дать вам желанный результат. — Она выдержала паузу. — Вы хотите успешный эксперимент или вы хотите сломанную игрушку?

В комнате повисла тишина. Дождь барабанил по стеклу. Где-то вдалеке прозвучал звонок на перемену — обычный университетский звук, такой неуместный в этом разговоре. Фаулер медленно обошёл стол и остановился прямо перед ней. Его лицо оставалось бесстрастным, но Аврора готова была поклясться, что за непроницаемыми стёклами блеснул интерес.

— Вы торгуетесь, — произнёс он. Это был не вопрос. — Студентка второго курса, которой вчера было страшно дышать в моём присутствии, сегодня торгуется со мной об условиях своего заточения. — Он скрестил руки на груди. — Впечатляет. И что же вы хотите, мисс Хиггс? Изложите ваши условия.

— Хорошо. — Аврора выдержала его взгляд, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Условие первое: я остаюсь жить в общежитии. Никаких подземных лабораторий, никаких изолированных камер. Я продолжаю посещать занятия, как обычная студентка. Это сохранит моё психологическое здоровье и не вызовет подозрений у окружающих. Моё внезапное исчезновение привлечёт внимание, а внимание — это последнее, что вам нужно. Особенно от моих подруг, которые уже знают, что со мной что-то происходит.

Фаулер чуть заметно кивнул.

— Логично. Продолжайте.

— Условие второе: все медицинские процедуры, тесты и исследования проводятся в рабочее время и с моим предварительным согласием. Я не подопытный кролик. Я — участник эксперимента, и я имею право знать, что именно вы со мной делаете. Я хочу получать полную информацию о каждом этапе. Никаких инъекций и процедур без моего ведома.

— Вы хотите быть не объектом, а субъектом, — произнёс Фаулер с лёгкой усмешкой. — Неожиданно. Что ещё?

— Условие третье: мои подруги остаются в безопасности. Полностью. Вы снимаете протокол устранения со всех четверых и даёте слово, что никто из них не пострадает — ни сейчас, ни в будущем. Если с их головы упадёт хоть волос, наше сотрудничество прекращается немедленно. Я найду способ сделать так, чтобы ваш эксперимент провалился, даже если это будет стоить мне жизни.

Она замолчала. Дождь за окном усилился, барабания по стеклу. Фаулер стоял неподвижно, как статуя, и Аврора физически ощущала тяжесть его скрытого взгляда.

— Это всё? — спросил он наконец.

— Нет. Есть ещё четвёртое условие. — Она глубоко вздохнула. — Вы ответите на мои вопросы. Честно. Я хочу знать, что именно вы вводите в мой организм. Я хочу понимать природу этого исследования — не просто как вируса, а как концепции. Если я должна стать частью этого... я имею право знать, во что я ввязываюсь.

Фаулер медленно снял очки. Алые глаза с вертикальными зрачками уставились на Аврору — но сегодня в них не было той хищной угрозы, что вчера. В них читалось нечто иное. Любопытство. Почти уважение.

— Четыре условия, — произнёс он задумчиво. — Свобода. Информированное согласие. Безопасность подруг. И знание. — Он положил очки на стол. — Знаете, мисс Хиггс, за последние семь лет никто не осмеливался выдвигать мне условия. Люди обычно умоляют, угрожают или пытаются бежать. А вы... торгуетесь. Как равная.

Он обошёл стол и остановился у книжного шкафа. Его пальцы пробежались по корешкам старинных фолиантов.

— Ваши условия приняты. С некоторыми оговорками. Первое: вы остаётесь в общежитии и продолжаете учёбу. Это разумно. Исчезновение студентки вызовет вопросы, которые мне не нужны. — Он повернулся к ней. — Второе: вы будете получать информацию о каждом этапе. Но окончательное решение о проведении процедур остаётся за мной. Я не стану рисковать экспериментом из-за ваших сомнений. Однако я обещаю объяснять. Третье: ваши подруги будут в безопасности до тех пор, пока вы соблюдаете условия нашего соглашения. Если вы попытаетесь бежать или предать меня — протокол будет активирован немедленно.

Он вернулся к столу и сел напротив неё. Без очков его лицо выглядело иначе — более человечным, но одновременно более пугающим. Контраст между светлыми волосами, правильными чертами и этими жуткими алыми глазами создавал впечатление падшего ангела.

— Что касается четвёртого условия... — он откинулся в кресле. — Задавайте ваши вопросы, мисс Хиггс. Я отвечу. Честно. Как вы и просили.

Аврора выдержала паузу, собираясь с мыслями. Она не ожидала, что он согласится так быстро. Возможно, он просто не воспринимает её условия как угрозу — что ж, тем лучше. А возможно, ему действительно интересно. В любом случае, сейчас у неё была возможность задать вопросы, и она не собиралась её упускать.

— Первый вопрос, — начала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и профессионально, — какова природа вируса, который вы планируете использовать? Вы назвали его Амбисфена. Что это — модифицированный А-вирус, с которым вы работали в Пирроу, или что-то новое? Каков механизм его действия на клеточном уровне?

Фаулер чуть приподнял бровь — жест, который на его обычно бесстрастном лице был почти эквивалентом удивлённого возгласа.

— Вы хорошо подготовились, — заметил он. — Амбисфена. Даже название раскопали. Ваши хакерские таланты впечатляют, мисс Хиггс. Или это таланты мисс Краусберг? Впрочем, неважно.

Он встал и подошёл к терминалу на стене. Экран ожил, показывая трёхмерную модель вируса — сложную, многослойную структуру, не похожую ни на что, что Аврора видела в учебниках.

— Амбисфена — это не модификация А-вируса. Это его эволюция. А-вирус был создан корпорацией «Эгида» как биологическое оружие, но его создатели не понимали истинного потенциала своего творения. Они видели в нём инструмент смерти. Я увидел инструмент трансформации. Амбисфена работает на трёх уровнях. Первый: ретровирусная интеграция в геном хозяина. Второй: активация спящих генетических последовательностей, которые присутствуют в человеческой ДНК, но заблокированы эволюцией. Третий: полная клеточная перестройка, в результате которой организм обретает повышенную силу, регенерацию и... некоторые другие качества.

— Такие как красные глаза и вертикальные зрачки? — уточнила Аврора, не удержавшись. Ей показалось, или уголок его губ дрогнул?

— Сверхчеловеческие рефлексы? Повышенная выносливость?

— Среди прочего, — кивнул Фаулер. — Амбисфена не просто изменяет носителя. Он делает его идеальным. Следующей ступенью эволюции. Проблема в том, — он увеличил фрагмент модели на экране, — что вирус крайне нестабилен. Девяносто девять и девять десятых процента носителей погибают в течение первых часов после инъекции. Их тела не выдерживают перестройки. Я выжил только благодаря уникальной комбинации факторов — предварительной мутации А-вирусом, антител, выработанных за годы работы с патогеном, и... скажем так, силы воли.

— А я? — тихо спросила Аврора. — Почему вы думаете, что я выживу?

Фаулер повернулся к ней. Его алые глаза, казалось, смотрели сквозь неё — в самую суть.

— Потому что вы — редчайший генетический тип, мисс Хиггс. Ваш организм обладает врождённой устойчивостью к ретровирусным инфекциям. Но при этом ваш геном содержит те самые «спящие» последовательности, которые активирует Амбисфена. Вы — ключ. Вы можете не просто выжить после инъекции, но и передать стабильную форму вируса потомству. Моему потомству. Вы — Ева для моего Адама. Мать нового человечества.

Аврора почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

«Мать нового человечества». «Ева для моего Адама».

Это звучало как бред сумасшедшего — но бред, подкреплённый научными данными и трёхмерными моделями на экране. И от этого становилось только страшнее.

Она сглотнула ком в горле и заставила себя продолжать. Она — учёный. Она должна получить максимум информации. Эмоции — потом.

— Второй вопрос, — произнесла она, и голос предательски дрогнул. — Ребёнок. Что именно вы планируете? Обычное зачатие? Экстракорпоральное оплодотворение? Как будет происходить... передача вируса плоду? Через плаценту? Через генную модификацию эмбриона?

Фаулер вернулся в кресло. Его движения были плавными, почти ленивыми — но Аврора уже научилась распознавать за этой ленивой грацией готовность к мгновенному действию.

— Вы задаёте правильные вопросы, — заметил он. — Это хорошо. Это значит, что вы действительно думаете как учёный, а не как жертва. — Он сложил пальцы домиком. — План таков. Сначала — подготовительный этап. В течение нескольких недель вы будете получать микродозы ослабленного штамма Амбисфены. Это позволит вашему организму постепенно адаптироваться, выработать толерантность. Параллельно мы будем отслеживать все изменения — клеточные, гормональные, генетические.

— А затем?

— Затем, когда ваш организм будет готов, мы перейдём ко второму этапу. Зачатие. Естественное. — Он сделал паузу, наблюдая за её реакцией. — Я понимаю, что эта часть вызывает

у вас наибольший... дискомфорт. Но это необходимо. Экстракорпоральное оплодотворение не даёт нужного эффекта. Амбисфена — это не просто вирус. Это симбионт. Он требует физического контакта между носителями для стабильной передачи. Любая искусственная среда разрушает его структуру.

Аврора сжала кулаки под столом так, что ногти впились в ладони. Естественное зачатие. С ним. С этим существом с алыми глазами, которое только что спокойно, буднично описывало, как будет методично превращать её в инкубатор.

— А сам ребёнок? — спросила она, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Он родится... таким же, как вы? С этими глазами? Со сверхчеловеческими способностями? Или мутации проявятся позже, в пубертате?

— Это третий вопрос, — усмехнулся Фаулер. — Но я отвечу. Ребёнок унаследует стабильную форму вируса. Мутации начнут проявляться постепенно, в течение первых лет жизни. К подростковому возрасту он будет обладать всеми преимуществами Амбисфены — но без побочных эффектов, которые пришлось пережить мне. Он будет идеален с самого начала. Первый истинный представитель нового вида. Номо superior.

В комнате повисла тишина. Дождь за окном превратился в ливень — капли яростно барабанили по стеклу, словно сама природа протестовала против того, что обсуждалось в этом кабинете. Аврора сидела неподвижно, переваривая услышанное. Номо superior. Новый вид. И она должна была стать его прародительницей.

Где-то глубоко внутри, под слоями страха и отвращения, шевельнулось что-то ещё. Любопытство учёного. Чистое, холодное, почти неуместное в данной ситуации. Он говорил о вещах, которые переворачивали всю современную биологию с ног на голову. Ретровирусная интеграция. Активация спящих генов. Симбиотическая передача. Это было чудовищно — и одновременно невероятно интересно. И Аврора ненавидела себя за то, что часть её сознания жадно впитывала каждое его слово.

— Четвёртый вопрос, — произнесла она, и голос прозвучал глухо. — Вы сказали, что девяносто девять и девять десятых процента носителей погибают. Вы выжили благодаря... особым обстоятельствам. Но я — не вы. У меня нет предварительной мутации А-вирусом. У меня нет антител, выработанных годами работы с патогеном. Как вы собираетесь гарантировать, что я не умру от первой же инъекции вашей Амбисфены?

Фаулер посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом. Затем встал, подошёл к терминалу и вывел на экран новую схему — генетический профиль Авроры, тот самый, который она видела вчера в лаборатории. Её идентификационный номер А841-Н всё ещё значился в углу.

— Это, — он указал на несколько выделенных маркеров, — причина, по которой вы не умрёте. Видите эти последовательности? Это гены, отвечающие за регуляцию апоптоза — запрограммированной клеточной смерти. У большинства людей они слишком активны. Когда Амбисфена начинает клеточную перестройку, организм воспринимает её как угрозу и запускает массовый апоптоз. Клетки погибают быстрее, чем вирус успевает их трансформировать. Результат — отказ органов и смерть.

Он увеличил фрагмент схемы.

— У вас — иная картина. Ваши гены апоптоза частично подавлены. Это означает, что ваш организм с большей вероятностью примет перестройку, а не отторгнет её. Кроме того, у вас обнаружена редкая мутация в гене CCR5-дельта-32 — той самой, которая обеспечивает устойчивость к ВИЧ. Эта же мутация замедляет репликацию ретровирусов, давая организму время на адаптацию. Вы — биологическая аномалия, мисс Хиггс. Уникум. Идеальный кандидат.

Он повернулся к ней и склонил голову набок.

— Это отвечает на ваш вопрос? Или у вас есть ещё?

Аврора смотрела на экран, на разноцветные маркеры, выделяющие её генетические аномалии. CCR5-дельта-32. Подавленный апоптоз. Спящие гены, которые активирует Амбисфена. Она читала об этих мутациях в учебниках — сухие научные статьи. И никогда не думала, что однажды увидит собственный генетический профиль на экране в кабинете мутанта-суперсолдата, который планирует сделать её матерью нового вида.

— Пятый вопрос, — тихо сказала она. — Самый важный.

Фаулер чуть наклонил голову, ожидая.

— Почему? — Аврора подняла на него глаза. — Почему вы вообще хотите это сделать? Создать новый вид. Стать... богом. Зачем вам это? Что вами движет?

На мгновение ей показалось, что в алых глазах что-то дрогнуло. Не угроза. Не раздражение. Что-то иное — тень давних воспоминаний, глубоко запрятанных за семью слоями ледяного самообладания.

— Это самый опасный вопрос из всех, что вы задали, мисс Хиггс, — произнёс он медленно. — Потому что ответ на него — правда. А правда — это единственное оружие, которое может ранить меня.

Он отошёл к окну и остановился, глядя на дождь. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне серого неба — идеально прямой, неподвижный, словно хищник на охоте.

— Я вырос в системе, которая считала людей расходным материалом. «Эгида». Проект «F». Дети, отобранные по генетическим критериям, воспитанные как будущая элита корпорации. Нас учили, что обычные люди — это... сырьё. Ресурс. Инструменты для достижения целей. Я верил в это. Я строил карьеру на этой вере. Я убивал ради неё.

Он замолчал. Аврора не шевелилась, боясь нарушить этот странный момент откровенности.

— А потом я умер, — продолжил Фаулер. — В особняке Джеффсона. Тиран пронзил меня насквозь. Я лежал в луже собственной крови и смотрел, как рушится всё, во что я верил. «Эгида» использовала меня. Джеффсон использовал меня. Я был всего лишь ещё одним расходным материалом в их игре. И тогда я понял: единственный способ перестать быть инструментом — это самому стать богом.

Он повернулся к ней. Алые глаза горели в полумраке кабинета.

— Я видел, как умирают тысячи людей. Я видел, как цивилизация рушится за одну ночь. И я понял: человечество обречено. Оно слишком слабое, слишком глупое, слишком эмоциональное. Единственный способ спасти этот вид — это заменить его. Создать новую расу. Более сильную. Более разумную. Лишённую тех недостатков, которые погубили Homo sapiens. И я стану её творцом. Не инструментом. Не слугой. Творцом.

Он шагнул к ней и остановился в нескольких дюймах.

— Вы спросили, что мной движет. Я отвечаю: воля к власти. Чистая, незамутнённая. Воля к тому, чтобы перестроить мир по моему образу и подобию. Чтобы никто и никогда больше не смог использовать меня. И вы, Аврора, — ключ к этому. Поэтому вы здесь. Поэтому вы живы. Поэтому я отвечаю на ваши вопросы. Потому что вы — не расходный материал. Вы — начало.

Аврора молчала. Дождь за окном начал стихать, превращаясь из ливня в монотонную морось. В кабинете было тихо — только слышно, как вода стекает по водосточным трубам где-то за стенами старого корпуса. Она смотрела на Фаулера и впервые за всё время их знакомства видела перед собой не чудовище. И не профессора. И не мутанта. Она видела человека — искалеченного, изломанного, пережатого изнутри собственной болью и амбициями, но всё ещё человека. Где-то там, под слоями сверхчеловеческой силы и ледяного презрения к миру, всё ещё жил мальчик из проекта «F», которого учили, что люди — это расходный материал. Которого предавали. Которого использовали. Который умер и воскрес — но так и не научился жить. Свои выводы, впрочем, она решила оставить при себе. Для анализа. И для подруг.

— Вы ответили... Очень прозрачно. Откровенно. Я не ожидала... — Аврора на мгновение растерялась, потеряв свою холодную собранность стратега на войне. Прочистив горло, она снова на него посмотрела и произнесла: — В любом случае, мои условия остаются в силе. Я буду сотрудничать только при заверении в выполнении всех пунктов.

Фаулер медленно кивнул. Его лицо снова стало бесстрастным — момент откровенности прошёл, и перед ней опять стоял тот самый холодный, расчётливый профессор.

— Ваши условия приняты, мисс Хиггс. — Он вернулся к столу, достал из ящика тонкую кожаную папку и положил перед ней. — Здесь контракт. Не юридический, разумеется, — наши отношения не входят в юрисдикцию гражданских судов. Но в нём прописаны все пункты, которые мы обсудили. Ваши права. Ваши обязанности. Мои гарантии.

Аврора открыла папку. Документ был составлен на удивление формально — сухим, канцелярским языком, с пронумерованными пунктами и местом для подписи в конце.

«1. Участник А. (Хиггс, Аврора) сохраняет право проживания в кампусе MIT и продолжения обучения на факультете прикладной генетики и вирусологии.

Участник Б. (Фаулер, Виктор) обязуется обеспечить полную безопасность следующих лиц: Кира Танг, Аделина Вэйн, Серена Монтерри, Ева Краусберг. Протокол устранения отменяется.

Все медицинские процедуры проводятся с предварительного информирования Участника А. и с его письменного согласия.

Участник Б. обязуется предоставлять Участнику А. полную информацию о природе и целях всех этапов эксперимента.

Участник А. обязуется соблюдать график процедур и не разглашать информацию о проекте «Амбисфена» третьим лицам...»

Аврора читала и чувствовала, как внутри неё борются два чувства. С одной стороны — облегчение. Он согласился. Её подруги в безопасности. У неё есть права, зафиксированные хоть в каком-то документе. С другой стороны — холодное осознание того, что она только что подписала себе приговор. Контракт с дьяволом. Сделка, из которой нет выхода.

Она взяла ручку, которую он протянул ей — дорогую, чёрную, с гравировкой «Aegis Solutions».

— Я подпишу это, — сказала она, — но при одном дополнительном условии. Которого нет в документе.

Фаулер приподнял бровь.

— Слушаю.

— Если эксперимент провалится... если я умру... мои подруги должны узнать об этом. От вас. Лично. Вы придёте к ним и скажете, что я умерла. Не исчезла. Не «перевелась в другой университет». Умерла. Они заслуживают знать правду.

Фаулер молчал несколько секунд. Затем медленно кивнул.

— Принято. Это всё?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.